

ОЛЬГА ВЛАСОВА

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ
ПСИХИАТРИЯ
И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ

ИСТОРИЯ, МЫСЛИТЕЛИ, ПРОБЛЕМЫ

ТЕРРИТОРИЯ БУДУЩЕГО

Ольга Власова

**Феноменологическая психиатрия
и экзистенциальный анализ.
История, мыслители, проблемы**

«Территория будущего»

2010

Власова О. А.

Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ.
История, мыслители, проблемы / О. А. Власова — «Территория
будущего», 2010

Монография представляет собой первое русскоязычное исследование экзистенциально-феноменологической традиции в психиатрии. Анализируя, с опорой на оригинальные тексты и биографические материалы, основные идеи представителей феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа (К. Ясперса, Э. Минковски, В. Э. фон Гебзаттеля, Э. Штрауса, Л. Бинсвангера, М. Босса и др.) и выстраивая панораму их формирования и развития, автор включает рассматриваемую традицию в философский контекст XX века.

© Власова О. А., 2010

© Территория будущего, 2010

Содержание

Введение	5
Часть I	7
Глава 1	8
§ 1. Философия и психиатрия: возможности концептуального сближения	8
§ 2. Философско-клиническое пространство: специфика, методология, стратегии исследования	15
Глава 2	24
§ 1. Споры о границах, чертах, дисциплинарном статусе	24
§ 2. Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ как исследовательское пространство: степень изученности	27
Часть II	40
Глава 1	41
§ 1. Методологические споры: естествознание, философия, науки о духе	42
§ 2. Интуитивизм Анри Бергсона	48
§ 3. Феноменология Эдмунда Гуссерля	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Ольга Власова

Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ: История, мыслители, проблемы

Введение

История философии, как и история человечества, наполнена случайностями и многочисленными «если бы...». Имя Германа Лео Ван Бреда, францисканского священника, известно далеко за пределами феноменологии – это именно он вывез архив Эдмунда Гуссерля в Лувен и сохранил наследие философа. Но поговаривают, что перед этим была другая попытка. Тогда рукописи и стенограммы в трех чемоданах переправляли в Швейцарию, в Кройцлинген, в психиатрический санаторий родоначальника экзистенциального анализа психиатра Людвиг Бинсвангера. Но тому не посчастливилось войти в историю феноменологии: пограничная проверка оказалась слишком строга.

В истории философии и психиатрии XX в. было множество и других теоретических пересечений и личных контактов. Психиатрический санаторий Бинсвангера «Бельвью» посещали Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, М. Шелер, М. Вебер, А. Пфендер, Э. Кассирер. На основании исследований невролога К. Гольдшейна, психиатров Э. Минковски, Э. Штрауса, Л. Бинсвангера, В. Э. фон Гебзаттеля строил свою «Феноменологию восприятия» М. Мерло-Понти. А. Пфендер в течение нескольких лет посещал заседания Боденского психиатрического общества. Ж. – П. Сартр вместе с П. Низаном редактировал французский перевод «Общей психопатологии» К. Ясперса, а затем уже в 1960-е писал предисловие к книге антипсихиатров Р. Д. Лэйнга и Д. Г. Купера, посвященной его собственному творчеству. В. Э. фон Гебзаттель в своем санатории «Баденвейлер» принимал опального М. Хайдеггера и привил ему почтение и интерес к психиатрии. Впоследствии в доме другого психиатра – М. Босса – Хайдеггер вел свои знаменитые Цолликонские семинары. Еще молодой М. Фуко гостил в Кройцлингене у Л. Бинсвангера и в Мюнстерлингене у его доброго друга Р. Куна, и именно эти посещения, а также работа над трудами психиатров стали решающими в формировании центрального для мыслителя пространства проблематизации – безумия.

Этому множеству пересечений не хватило последнего – случайности. Если бы архив Гуссерля все-таки удалось вывести в «Бельвью», возможно, экзистенциально-феноменологическая психиатрия заняла бы более почетное место в истории философии, а имена ее представителей были известны не только узким специалистам.

Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ вызревают в философско-клиническом пространстве XX в., когда философия и психиатрия в поисках ответа на кантовский вопрос «Что такое человек?» обращаются друг к другу. Представители этих направлений – К. Ясперс, Э. Минковски, В. Э. фон Гебзаттель, Э. Штраус, Л. Бинсвангер, М. Босс и др. – стремятся философски осмыслить почти не знакомое философии пространство – область психической патологии. Двигаясь наощупь, перебирая концепции и идеи, радуясь совпадениям и отбрасывая непонятное и непригодившееся, они формируют яркое и своеобразное теоретически-практическое поле, которое не смогло бы сформироваться в исключительно философском пространстве.

Вызревшая в результате единая экзистенциально-феноменологическая традиция представляет ярчайший пример взаимодействия и столкновения философской теории с практи-

кой, с реальностью и конкретным человеком. Она возникает под влиянием феноменологии Э. Гуссерля, М. Шелера, Т. Липпса, М. Гайгера, А. Райнаха, интуитивизма А. Бергсона, фундаментальной онтологии М. Хайдеггера, описательной психологии В. Дильтея, понимающей социологии М. Вебера, неокантианства П. Наторпа и др. При адаптации философских идей к методологическим установкам и клинической практике психиатрии основные положения философских теорий и направлений корректируются и дополняются. Поэтому это традиция со своими акцентами и приоритетами, со своими гипотезами и законами. В ее теоретическом пространстве философское мышление разрывается практическими примерами, уходит последовательность, а на месте четких схем оказываются лишь многочисленные «почему» и недоработки.

Многообразная проблематика феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа охватывает проблемы онтологии и гносеологии, антропологии и этики. В пространстве взаимодействие философии и психиатрии по-иному и с особой остротой начинают ставиться традиционные философские проблемы: проблема онтологических оснований бытия, критериев истинности опыта, экзистенциалов человеческого существования, процедур и методов познания человека, пределов и границ понимания другого и т. д. Являясь чрезвычайно сложным и многоаспектным философско-клиническим явлением, эта традиция открывает для истории философии проблему междисциплинарных заимствований, влияний и механизмов. Раскрывая перед нами малоизвестные страницы истории философии XX в., в череде взаимовлияний и пересечений она позволяет дополнить и переосмыслить важные моменты ее развития.

Философия – это не столько философское пространство, сколько само философское мышление, способное к проблематизации. Эту проблематизацию и представляет нам традиция экзистенциально-феноменологической психиатрии. Не только продолжая и дополняя идеи философов, но и формируя собственное онтологическо-онтическое поле рефлексии: маргинальность предметной области отходит на второй план перед поднимаемой философской проблематикой.

Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ, расколов как философскую теорию, так и клиническую практику, в какой-то мере до сих пор остаются маргинальными по отношению как к первой, так и ко второй – мало работ, еще меньше авторских интерпретаций, мало конструктивных переосмыслений и контекстных исследований. Все это сопровождается языковыми и междисциплинарными барьерами. Пограничье, о котором так любит говорить современная философия, для этих направлений пока только «крест»: даже в своих основных представителях артикулируясь сразу на трех языках (немецком, французском и английском) и в двух дисциплинарных плоскостях, они несут многообразие, которое можно «схватить», но осмыслить проблематично.

Эта книга – попытка такого авторского осмысления, равно как и попытка рассказать о практически не представленной на русском языке традиции.

Часть I

Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ как область исследования

Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ включены в историко-философский процесс XX в. не только потому, что вызревают как развитие идей кантианства и неокантианства, феноменологии и экзистенциальной аналитики, и даже не столько потому, что прилагают эти идеи к неведомому философии пространству клиники, но главным образом поскольку в пространстве клинической практики они вырабатывают оригинальный философский взгляд на психическое заболевание, на человека и окружающий его мир. Эти два направления (течения, движения – об этом далее) возникают в философско-клиническом пространстве, где клиники всегда ничуть не меньше философии, а философия никогда не затмевает клинику. Для того чтобы представить их в контексте философии XX в., необходимо сначала разъяснить, что обуславливает их специфику, способствует постановке особой проблематики и подразумевает необходимость разработки (или хотя бы использования) иного подхода к их исследованию.

Глава 1

Методологические основания

§ 1. Философия и психиатрия: возможности концептуального сближения

В основе формирования и развития феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа лежит взаимодействие философии с клиникой. Именно такая трактовка позволяет обойти не вполне правомерное понимание зарождения этой традиции как результата прикладного использования феноменологии.

Для начала определимся с терминами. Подчеркнем, что в настоящей работе мы ведем речь о взаимодействии философии с *психиатрией*. По неведомым нам причинам, возможно, в силу отсутствия знакомства с этой традицией или по причине определенного созвучия, часто при описании философских идей рассматриваемых нами фигур говорят о «психологии» или о «психоанализе». Феноменологическая психиатрия, экзистенциальный анализ (с определенными оговорками в отношении самого термина) и не рассматриваемая нами здесь антипсихиатрия вызревают в пространстве философии и клинической практики психиатрии. Именно психиатрии, и ни психоанализом, ни психологией психиатрию заменять нельзя, эта стратегия будет в корне ошибочной. Психология и рассматриваемая ею проблематика (особенностей психических процессов больного), несомненно, в идеях феноменологических психиатров и экзистенциальных аналитиков присутствует, но она не играет определяющей и, тем более, конституирующей роли. Разумеется, работы о психологических идеях представителей рассматриваемых нами направлений важны и нужны, безусловно, они имеют право на существование, но психология как наука (при всей спорности этой формулировки) никакой роли в становлении этих направлений не играет.

Что касается психоанализа, который в настоящее время в философских кругах России уже отвоевал себе определенное место, то в силу того, что сам процесс его проникновения в медицинскую среду был достаточно медленным, во время возникновения феноменологической психиатрии (первое – второе десятилетия XXв.) определяющей роли для нее он играть не может. За небольшими исключениями в работах феноменологических психиатров, даже имевших личные контакты с самим Фрейдом и психоаналитическим кругом, ссылки на психоанализ отсутствуют. Они появляются лишь в плане его критики, которая идет в общей канве анализа позитивистских и редуccionистских биологических подходов. Такое же место занимает психоанализ и в экзистенциальном анализе. Поэтому еще раз подчеркнем, что в отношении рассматриваемых нами направлений речь может вестись только и исключительно о психиатрии как медицинской теории и клинической практике.

Следует также отметить, что термины «клиника» и «клинический» употребляются нами практически синонимично терминам «психиатрия» и «психиатрический» и обозначают в большинстве случаев целостный опыт, который формируется «у постели» психически больного человека и включает в себя принятую в психиатрии систему толкования психического заболевания, а также все используемые в ней методы диагностики и лечения. Философия психиатрии в этом случае включается в пространство прикладной или практической философии¹.

¹ «Психиатрия была включена в прикладную область философии достаточно недавно», – отмечает К. Фулфорд (Fulford K. W. M. Introduction: Just Getting Started // Philosophy, Psychology and Psychiatry / Ed. A. P. Griffiths. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P 1).

Конкретизации требует также и центральное для настоящей работы понятие метаонтики. Метаонтика понимается нами как онтологически-онтическая теоретическая система, исследовательское поле которой образуют поиски онтологических оснований человеческого бытия. Данный термин мы заимствуем из работы Джекоба Нидлмана «Критическое введение в экзистенциальный психоанализ Л. Бинсвангера», где автор употребляет по отношению к Dasein-анализу понятие «мета-онтический». Он пишет: «Любая дисциплина, которая занимается трансцендентально априорными неотъемлемыми структурами и возможностями конкретного человеческого существования, не является, строго говоря, ни онтологической, ни онтической, а скорее лежит где-то между ними»².

Человек понимается при этом, скорее в хайдеггерианской традиции как «медиум бытия», стоящий в его просвете, или, следуя М. Шелеру, как существо, проблематизирующее собственное бытие, свое «положение в». Б. В. Марков предлагает называть проект Хайдеггера антропологической онтологией или онтологической антропологией³, В. Д. Губин и Е. Н. Некрасова характеризуют подобную особенность философско-антропологических систем М. Шелера, Х. Плеснера и А. Гелена как метафизическую антропологию⁴. Для обозначения подобной черты теоретической системы феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа в настоящей работе мы, подчеркивая направленность поисков (онтику), а не дисциплинарную соотнесенность (антропологию), описываем это промежуточное пространство как метаонтику.

Взаимодействие философии и психиатрии стало возможным в силу целого ряда причин и предпосылок, среди которых, на наш взгляд, можно выделить две группы: 1) коренящиеся в самой природе философского и психиатрического знания, в специфике философии и психиатрии как таковых, безотносительно к особенностям и динамике их исторического развития; 2) определяющиеся спецификой развития этих наук в истории, динамикой их проблем, а также характеристиками того социально-исторического климата, который их обуславливает.

Специфика философии и психиатрии, их характеристики и особенности во все времена содержали потенциал сближения. Наметим некоторые из них:

Со стороны психиатрии:

Являясь позитивной наукой, психиатрия несет за своими постулатами о сущности и природе психического заболевания уровень философской (позитивистской) методологии и поэтому так или иначе связана с философией в самой своей основе. Необходимость изменения теоретических допущений приводит к необходимости изменения методологии. Свидетельства этого процесса мы и увидим столь ярко на примере феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа.

- За любой теорией психического заболевания так или иначе стоит онтология, определяющая статус окружающей больного реальности, статус его феноменального мира, специфическая гносеология, очерчивающая границы и возможности его исследования, антропология, которая говорит нам о больном как таковом, и обязательно этика, устанавливающая ту систему моральных предписаний, в рамках которой мы определяем критерии и социальный статус болезни.

- Исследуя психически больного человека, психиатрия нуждается не только в наличии более или менее четко определенной картины его психического функционирования в норме, что, безусловно, может дать ей психология, но и в картине его положения и антропологического статуса в мире, поскольку затрагивает не только его психическую, но и моральную, поли-

² Нидлман Дж. Критическое введение в экзистенциальный психоанализ Л. Бинсвангера / Пер. с англ. Е. Сурпиной // Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М.; СПб: КСП+, Ювента, 1999. С. 32.

³ Марков Б. В. Философская антропология. СПб.: Питер, 2008. С. 22.

⁴ Губин В. Д., Некрасова Е. Н. Философская антропология: Учеб. пособие. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 109.

тическую, волевою, метафизическую составляющие. Для того чтобы ответить на вопрос, как происходит «поломка», в чем она состоит, к чему приведет, и как ее исправить, нужно знать не только устройство механизма, но и его происхождение, предназначение и статус⁵.

- Обращаясь к психическому расстройству и пытаясь включить его в систему позитивных описаний, психиатрия сталкивается с необходимостью определения статуса не только нормы, но и патологии, требуя, таким образом, некоторых дополнений и развития философской системы.

Со стороны философии:

- Интересуясь онтологическим устройством мира и стремясь схватить его во всей полноте, философия не может ограничиться лишь его разумными и упорядоченными проявлениями, для своей завершенности она с необходимостью должна охватить и безумие, безумного человека и безумный мир.

- Психическое заболевание может представляться для философии своеобразной призмой, увеличительным стеклом, где она может увидеть то, что невозможно узреть в норме. Используя этот инструмент анализа, она способна проникнуть в онтологические тайны бытия.

- Психиатрия привносит в философию конкретность: она представляет ей повседневность и индивидуальность, дает ей динамизм и многообразие в их предельном выражении – психически больном человеке.

- Кризисы психиатрии, как и кризисы любой другой науки нередко отмечают неполноту и проблемные точки ее метафизической, гносеологической, антропологической или этической платформы.

- Психиатрия как специфическая «антропологически ориентированная» практика дает философской теории возможность приложения и развития, показывая уместность или неуместность ее постулатов.

- Многие философские проблемы находят свое отражение в психиатрии: проблема статуса реальности, истины; проблемы сознания и телесности, идентичности и субъективности, небытия и смысла жизни, формирования общества и механизмов его функционирования и взаимодействия с человеком и т. д.

Х. П. Рикман выделяет три типа изначальных посылок психиатрии, которые являются проблематичными с позиций философии:

1. Эпистемологическая посылка связана с вопросом о том, что можно узнать о психической жизни людей, о границах этого знания. Эта посылка основана на двух требованиях: а) человек имеет достоверный опыт материального мира; б) человеческое поведение является по своей природе выразительным актом, т. е. отражает внутреннее состояние человека. Сюда, фактически, относятся проблемы гносеологического статуса познавательных процедур: понимания, объяснения и т. д. Именно эпистемологическая посылка с практической стороны образует основание диагноза, а с теоретической – определяет его возможность.

2. Метафизическая посылка – посылка о природе реальности. Психиатрия в обязательном порядке содержит допущение об объективном статусе мира, месте в нем человека, отношениях между физическим и психическим и т. д.

⁵ «Психиатры, – говорит А. Генис, – всегда привлекали философию в своей деятельности... и во многих случаях, в ходе нашего психотерапевтического взаимодействия с пациентами, мы понимаем, что так или иначе философствуем» (Цит. по: Marinoff L. Thus Spake Settembrini: A Meta-Dialogue on Philosophy and Psychiatry // Philosophy and Psychiatry / Ed. Th. Schramme, J. Thome. Berlin, New York: De Gruyter, 2004. P. 28).

3. Нормативная посылка определяет критерии, по которым различаются нормальное и ненормальное, границы между здоровьем и болезнью, девиацией и преступлением. Важным элементом моральной посылки являются этический и политический компоненты⁶.

Определяя значимость и приоритетность этих посылок для психиатрии, Рикман отмечает, что «практика психиатрии не зависит от ответов на метафизические вопросы настолько, насколько зависит от ответов на вопросы эпистемологические»⁷. Несколько другой подход к определению значения философии для психиатрии предлагают М. Хайзе и К. Капке. На их взгляд, философия может функционировать в психиатрии на трех уровнях: 1) уровень коммуникации различных психиатрических направлений (интрадисциплинарная функция); 2) уровень коммуникации этих направлений с другими естественными и гуманитарными науками (междисциплинарная функция); 3) уровень научно-теоретического осмысления оснований (метадисциплинарная функция)⁸. На всех этих уровнях, по мнению авторов, философия играет ведущую роль.

Философия вот уже много столетий вопрошает о сущности и смысле жизни, и часто говорят, что философия – это своеобразная игра со смертью. Так же как в жизни мы окружены смертью, – когда-то говорил Л. Витгенштейн, – в здоровье нашего интеллекта мы окружены безумием⁹. И поспорить с этим утверждением нельзя. Смерть уносит человека внезапно и не спрашивая, но если по отношению к смерти у нас иногда и возникает иллюзия продолжения жизни за ее порогом, то с безумием дело обстоит намного сложнее. Оно, так же как и смерть, вдруг захватывает человека, не спрашивая и не открывая своих секретов, но надеяться на то, что по ту сторону безумия мы можем отыскать сохранный разум, практически невозможно, поскольку, если смерть уносит человека куда-то далеко, и он перестает существовать рядом с нами, безумие уносит разум, оставляя тело. Поэтому оно всегда представляет «предел» в самой жизни.

Общим «объектом», элементом пересечения всех теоретических элементов и практических устремлений и в философии, и в психиатрии является человек, поэтому точка схождения этих наук, безусловно, лежит в антропологии. «Медицинская теория философствует обо всем, – пишет Э. Хиршфельд, цитируя слова Д. Г фон Кизера (1779–1862), – медицина в самом широком своем смысле есть всего лишь использование философии для объяснения признаков здоровой и нарушенной жизнедеятельности»¹⁰.

Несколько забегаая вперед, мы уже обозначили центральную точку схождения философии и психиатрии – человека, теперь же нам предстоит очертить основные этапы этого взаимодействия.

Необходимо сказать, что декларируемый процесс взаимодействия философского и клинического знания ни в коем случае не означает полного слияния к концу XX в. философии и психиатрии, его содержанием является, прежде всего, постепенное сближение философского и клинического в междисциплинарных исследованиях психической патологии, взаимодействие и взаимовлияние предметных областей философии и психиатрии. Ни философия, ни психиатрия как науки не теряют при этом своей специфики.

⁶ Rickman K. P. The Philosophic Basis of Psychiatry: Jaspers and Dilthey // *Philosophy of the Social Sciences*. 1987. № 17. P. 174–175.

⁷ Ibid. P. 176.

⁸ Heinze M., Kupke C. Philosophie in der Psychiatrie / *Der Nervenarzt*. 2006. № 3. S. 348.

⁹ «Опыт безумия говорит о „разуме“ гораздо больше, чем прямые попытки философов определить его природу», – поясняет Б. В. Марков идеи философа (Марков Б. В. Л. Витгенштейн: язык это «форма жизни» // *История философии, культура и мировоззрение. К 60-летию профессора А. С. Колесникова*. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 88).

¹⁰ Hirschfeld E. Romantische Medizin. Zu einer künftigen Geschichte der naturphilosophischen Ära // *Kyklos*. 1930. № 3. S. 27.

С самых первых этапов своего развития психиатрия никак не могла похвалиться наличием четко определенного статуса. Вплоть до XVII–XVIII вв. ее теория и практика были подчас весьма различны и существовали отдельно друг от друга. Практика психиатрии представлялась тогда скорее своеобразной клинической педагогикой, практикой не лечения, а перевоспитания. Теория же растворялась в бесконечных терминологических спорах и обилии классификаций.

Психиатрия задолго до XX в. обращалась к философии, и такое близкое ее взаимодействие с «наукой наук» в XVIII–XIX вв. – во времена И. Канта, Ф. В. Й. Шеллинга и Г. В. Ф. Гегеля – лишь одно из подтверждений этого. Дело не том, что в прошлом столетии психиатрия в силу каких-то определенных внутренних причин приблизилась к философии (хотя это, несомненно, имело место), но во многом в том, что сама философия наконец-то почтила своим вниманием эту науку-теорию-практику с таким неопределенным статусом. Поэтому сближение философии и психиатрии и процесс их взаимодействия отражают не только кризис психиатрии и поиск ею новой методологии, расширение теоретических ориентиров, но и смену парадигмальных установок самой философии и те изменения, которые в XX в. претерпело ее предметное поле и методология. В этой трактовке настоящая работа реализует культурологический подход к рассмотрению истории философии.

Психиатры с ощущением легкости и непривязанности к авторитетам и классическим позициям принялись говорить о том, что было им так интересно. Они заимствовали для построения своих теорий только то, что нравилось им самим, не думая о последовательности и четкой определенности. Психиатрия стала пропитываться философией. Безумец оказался таким благодатным материалом, что позволял философствовать, не ограничиваясь схемами, не привлекая догматы и не вспоминая об истинности. Он словно бы уводил от территории разума. Все философские и гуманитарные теории психического заболевания так или иначе построены на ощущениях психиатров, и поэтому они производят впечатление такой легкости, такой вовлеченности и так просто и быстро увлекают за собой.

В процессе интеграции философского и клинического знания в исследованиях психической патологии можно выделить четыре этапа. *Первый этап* – начальный. В него входят исследования З. Фрейда, Э. Блейлера, Х. Принцхорна, Ж. Деверо, а также феноменологические изыскания В. Вейгандта, Р. Гауппа, Ж. Гуислейна, Ф. Шаслена, Т.К. Остеррайха, В. Шпехта, его коллег и др. Основная направленность работ данного этапа характеризуется обращением психиатрии к гуманитарной проблематике, расширением границ психиатрии. Фрейд впервые предлагает междисциплинарную теорию возникновения и развития психического заболевания (истерии), не ограничивая ее предметными рамками неврологии и психиатрии, однако эта теория так и не выходит за рамки позитивистского редуционизма. Блейлер же совершает эпистемологический переворот в психиатрии: предлагает диагностировать психическое заболевание по «невидимым» признакам и впервые описывает внутриспсихическую реальность больного шизофренией. После этих открытий изучение психического заболевания реализуется в исследованиях творчества душевнобольных, что вносит немалый вклад в становление философского взгляда на безумие. После работ Х. Принцхорна прилагательным «шизофренический» начинают обозначать и иррациональную манеру поведения, и творчество художников, и определенную форму психоза. Дальнейшее исследование причин и особенностей течения психических заболеваний приводит психиатрию к необходимости выяснения их социального микро- и макроконтекста в рамках этнографических и транскультурных исследований (Р. Бенедикт, М. Херсковиц, Ж. Деверо и др.). Развитие феноменологической психологии и появление феноменологии запускает развитие феноменологических исследований в клинике, постулирующих необходимость обращения к непосредственному опыту психически больного человека. Но, несмотря на обилие теорий и отдельных идей, на этом этапе цельного направления на границе философии и психиатрии так и не сформировалось.

Второй этап – встреча философии и психиатрии, философско-клинический синкретизм. Развитие описательных исследований в клинике, появление феноменологии и общая гуманитаризация психиатрии привели психиатров к закономерному вопросу о том, каким образом может быть изучен внутренний мир психически больного человека. Психиатрия обратилась к философской феноменологии, что привело к возникновению феноменологической психиатрии, постулировавшей существование феноменальной реальности психически больного человека. Представители экзистенциального анализа, используя отдельные положения теории М. Хайдеггера, начинают говорить о патологических изменениях существования больного и направляют свое внимание на пред-опыт болезни.

Третий этап – практический и связан с развитием антипсихиатрии. Антипсихиатрия (Р. Д. Лэйнг, Д. Г. Купер, Т. С. Сас, Ф. Базалья и др.) зарождается в 60-х гг. XX в. Несмотря на неоднородность, ее можно определить как междисциплинарное движение, ставящее две основные проблемы: экзистенциальных оснований психического заболевания и взаимодействия психически больного и общества. Позиция философско-клинического синкретизма обеспечивает своеобразное сочетание в антипсихиатрии психиатрии и философии, теории и практики, а также возможность построения представителями антипсихиатрии философско-антропологических и социально-философских теорий функционирования человека и общества.

Четвертый этап – синтез философского и клинического знания, оформление междисциплинарной области на границе философии и психиатрии (начало этапа – середина 90-х гг. XX в.).

Необходимо отметить, что рассматриваемые в настоящей работе направления сыграли различную роль в процессе взаимодействия философского и клинического знания.

Феноменологическая психиатрия показала саму возможность органичного переплетения философии и психиатрии и создания на основе такого переплетения эклектической философско-клинической теории. Она впервые обозначила основную проблему этой философско-клинической области – проблему опыта психически больного человека, а также сущности и содержания патологической реальности. Попытавшись отказаться от естественнонаучных критериев нормы и патологии и следуя «правилам» феноменологической редукции, представители феноменологической психиатрии постулировали реальность патологического опыта, наделив психическое заболевание онтологическим статусом и вписав его в экзистенциальный порядок бытия.

Экзистенциальный анализ продолжил традицию феноменологической психиатрии, но наравне с внутренним опытом включил в область исследования и окружающий мир пациента. Окончательного оформления достигла в экзистенциальном анализе онтологически-онтическая область как основное пространство философско-клинического исследования, а концепт экзистенциально-априорных структур выступил первым достаточно проработанным концептом этого метаонтического философско-клинического пространства.

В настоящее время обилие междисциплинарных исследований на границе психиатрии и философии привело к выделению новых областей знания – философии психиатрии, философии медицины, клинической философии. В последней четверти XX в. и сама философия, как отмечает П. Аппельбаум¹¹, стала постепенно приближаться к психиатрии. Расстояние между философией и психиатрией уже не кажется пропастью. Можно встретить такие утверждения о философии и психиатрии: «Ощущение искусственности этого сближения возможно лишь при поверхностном рассмотрении отвлеченности „науки наук“ и практической медицинской специальности. Более пристальное рассмотрение снимает противопоставление, показывая наличие не просто междисциплинарного пространства, но принципиально общей проблематики.

¹¹ Appelbaum P. Introduction // The Philosophy of Psychiatry: A Companion (International Perspectives in Philosophy and Psychiatry) / Ed. J. Radden. New York: Oxford University Press, 2004. P. 5.

Это общее восходит к вечному вопросу „Что есть человек?“...»¹². Совсем недавно междисциплинарные области исследования стали оформляться институционально.

Начиная с 1980-х гг. были учреждены Ассоциация развития философии и психиатрии в США, Философская группа Королевского колледжа психиатров в Лондоне, Скандинавская сеть философии и психиатрии, в 1994 г. учреждено Общество философии и наук о психике в Берлине. В 2002 г. создана Международная сеть философии и психиатрии, в 1993 г. стал выходить первый специализированный академический журнал издательства «Johns Hopkins University Press», охватывающий это междисциплинарное пространство, – «Философия, психиатрия и психология». Исследовательская группа по философии и психиатрии действует и в России под эгидой Независимой психиатрической ассоциации. В Великобритании, в Университете Уорвика при поддержке программы Международной сети философии и психиатрии функционирует магистратура по специальности «философия и этика психического здоровья». Вышли работы, направленные на изучение этой новой области¹³. «Сейчас, – пишет К. Фулфорд, – великолепное время для философии и психиатрии. Независимо развиваясь в течение большей части этого века, эти две дисциплины, если еще не полностью сошлись, то, по крайней мере, неожиданно стали налаживать отношения. Остается только задаваться вопросом, почему они так долго должны были игнорировать друг друга»¹⁴.

На волне всплеска биологической психиатрии сейчас интерес к философии и междисциплинарным исследованиям в психиатрии, как это ни странно, нарастает. В 2006 г. М. Хайзе и К. Капке писали: «Благодаря внедрению методов исследования нейронаук психиатрия после стольких лет господства антропологических или психоаналитических подходов переживает в своем развитии „вторую биологическую фазу“»¹⁵. Но в то же время развитие нейронаук приводит к стимулированию разработки антропологических моделей, которые оказываются несовместимыми с психиатрической и психотерапевтической практикой. В этой ситуации, как отмечают авторы, со стороны психиатрии начинает укрепляться интерес к межотраслевому сотрудничеству с философией. «Психиатрия, – пишут Т. Шрамм и Й. Томе, – философская дисциплина. Это может показаться неожиданным и провокационным заявлением. Однако очевидно, что множество теоретических и практических проблем психиатрии несут философские коннотации»¹⁶. Среди этих проблем редакторы сборника «Философия и психиатрия» называют проблемы тела/сознания, свободы желания, понятия рациональности, причинной обусловленности, личной идентичности, сознания, сознания другого, классификации, споры о соотношении наук естественных и гуманитарных. Все они, на их взгляд, характерны для теоретической философии – метафизики, эпистемологии, теории поведения, философии науки, философии сознания.

В заключение необходимо отметить, что в настоящее время междисциплинарное пространство философии и психиатрии развивается в рамках находящейся на пике популярности даже в нашей стране биоэтики. И, так или иначе, практически все современные философско-клинические исследования являются биоэтическими по своей направленности. Поэтому часто они ничем не могут помочь исследованию историко-философскому и даже

¹² Философия и психиатрия – пути сближения (Международная конференция в Малаге) // Независимый психиатрический журнал. 1996. № 2. С. 66.

¹³ Nature and Narrative: An Introduction to the New Philosophy of Psychiatry (International Perspectives in Philosophy and Psychiatry) / Ed. K. W. M. Fulford. Oxford: Oxford University Press, 2003; The Philosophy of Psychiatry: A Companion (International Perspectives in Philosophy and Psychiatry) / Ed. J. Radden. Oxford: Oxford University Press, 2004; Philosophical Perspectives on Psychiatric Diagnostic Classification / Ed. J. Sadler, O. Wiggins, M. Schwartz. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1994.

¹⁴ Fulford K. W. M. Mind and Madness: New Directions in the Philosophy of Psychiatry // Philosophy, Psychology and Psychiatry / Ed. A. P. Griffiths. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 5.

¹⁵ Heinze M., Kupke C. Philosophie in der Psychiatrie // Der Nervenarzt. 2006. № 3. S. 346.

¹⁶ Schramme Th., Thome J. Introduction: The Many Potentials for Philosophy of Psychiatry // Philosophy and Psychiatry / Ed. Th. Schramme, J. Thome. Berlin, New York: De Gruyter, 2004. P. 1.

историко-медицинскому, поскольку акцентируют совершенно другие аспекты – проблему ценностей, ответственности, гуманного отношения к больному и т. д. – и имеют принципиально иную направленность. Почему это необходимо учитывать? Часто экзистенциально-феноменологическую традицию и еще чаще антипсихиатрию путают с теми современными явлениями, которые развивались под их влиянием, но тем не менее отличаются от них. Здесь всегда нужно помнить, что все эти феномены вторичны по отношению к исходным для них феноменологической психиатрии, экзистенциальному анализу или антипсихиатрии. Экзистенциально-феноменологическая психиатрия – это «внимание к пациенту, акцентирование его свободы и ответственности, его личностного выбора», а антипсихиатрия – это «лечение без лекарств, правовая защита психически больных и защита маргинальных элементов общества (например, диссидентов)» – нам нередко приходится читать и слышать именно такие трактовки. В настоящей работе мы исследуем исходные феномены. И так же, как в отношении антипсихиатрии не нужно путать современную деятельность правозащитников с тем междисциплинарным движением, у истоков которого стояли Р. Д. Лэйнг, Д. Г. Купер, Т. С. Сас и Ф. Базалья, в отношении экзистенциально-феноменологической психиатрии не нужно накладывать друг на друга гуманистическое отношение к больному, гуманистическую психологию, ценностно-ориентированную медицину и феноменологическую психиатрию и экзистенциальный анализ как единую традицию, сформировавшуюся на границе философии и психиатрии.

§ 2. Философско-клиническое пространство: специфика, методология, стратегии исследования

Философско-клиническое пространство имеет свою специфику, наследуемую всеми вызревающими в нем направлениями, движениями и школами. И поэтому в исследовании феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа чрезвычайно важно подробно остановиться на этих особенностях.

Обширный комплекс философско-клинических теорий дает философии инструмент познания, для нее самой не характерный – исследование безумия. С помощью этого инструмента философия расширяет не только предметную область (включая в нее патологические проявления), но и свои возможности. Через исследование феноменов, находящихся за границами рационального понимания («иног» бытия и «другого» переживания), философия может адекватнее осмыслить и то, что находится в пределах рационального мира. Безумие здесь – как увеличительное стекло, высвечивающее явления, которые невозможно уловить невооруженным глазом. Поэтому изучение философско-клинических направлений может открыть для отечественной философии не только новые области исследования, но и новые ориентиры.

Философское и клиническое знание являются, казалось бы, взаимоисключающими областями и не могут быть объединены, а тем более синтезированы в рамках единого исследовательского пространства. То сближение, о котором мы говорим, не без затруднений прошедшее и в западной науке, в настоящее время не может быть осмыслено в рамках традиционной методологии гуманитарного знания. Любые попытки такого осмысления приводят к переоценке роли философской составляющей и снижают ценность составляющей клинической. Безусловно, такая позиция не может быть плодотворной, поэтому здесь вполне закономерен поиск методологических возможностей целостного, интегрального исследования. И весьма продуктивным подходом здесь, на наш взгляд, может выступить философская компаративистика.

Философская компаративистика как направление философских исследований в отечественной и зарубежной традиции разработана главным образом по отношению к проблеме «Восток-Запад». Однако не менее плодотворной она оказывается и в области междисциплинарного взаимодействия, при изучении точек схождения теории и практики. В данной работе

мы и попытаемся использовать уже существующие наработки и применить их к области, затрагиваемой отечественной компаративистикой крайне редко и методологически в ее рамках не разработанной, которая будет представлена как поле взаимодействия и взаимовлияния философской теории и клинической практики психиатрии.

Ситуация современной философии, обозначаемая в работах по компаративистике, указывает на те изменения, в результате которых и появился сам феномен философской психиатрии. Обращение философии к психиатрии и психиатрии к философии связано и с взаимопереходом Своего и Чужого, также характерного для современной философии. «Философия, – пишет Б. Г. Соколов, – осмысливает себя через Иное. Это Иное обретается как внутри себя, так и вовне»¹⁷. Выделенные по отношению к культурным трансформациям феномены полностью соответствуют таковым в междисциплинарном пространстве философии и психиатрии¹⁸. Да и сама возможность сравнения этих таких непохожих друг на друга форм диалога – межкультурного и междисциплинарного – возникает вследствие особого статуса психиатрии как науки о хотя и больном, но человеке¹⁹.

Философская компаративистика как исследовательский подход позволяет учесть все обозначенные стороны философско-клинических направлений и в своем использовании основана на некоторых специфических характеристиках. В качестве одной из основных характеристик философской компаративистики можно назвать *«интериоризацию границы»*: компаративистика – это подход, позволяющий «вобрать» границу внутрь самой философии, мировоззрения и культуры. Нельзя заглянуть в чужую культуру, понять другой язык, работать в чуждой нам науке. Но можно сделать границу элементом внутренней структуры «родного» философского мировоззрения. Философская психиатрия несет в себе несколько потенциальных «границ» – философия и клиника, теория и практика, разум и неразумие – и в огромном количестве предлагает нам своеобразные феномены *«пограничья»* и *«трансграничья»*.

Именно компаративистика поможет обозначить те феномены, которые составляют специфику феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа и обеспечивают их историко-философское своеобразие. Ведь само поле философско-клинического, теоретико-практического взаимодействия стирает и акцентирует, вычленяет и связывает по своим собственным законам.

Опираясь на эти установки²⁰, можно выделить основные этапы компаративного исследования единой традиции экзистенциально-феноменологической психиатрии:

1. Анализ двух векторов «философское – клиническое» и «теория – практика» как основных дихотомий, в рамках которых происходит вызревание пространства философско-клинической рефлексии. При этом сопоставление философского и клинического предполагает неоднородность и различие источников их формирования, соотносительность общих картин мира и человека, связь между различными этапами эволюции философии и клиники и др.

2. Определение концептуальных, методологических, структурных и дисциплинарных оснований их сближения и взаимодействия.

¹⁷ Соколов Б. Г. Тожество и различие философских культур, систем и учений как исходные понятия философской компаративистики // История современной зарубежной философии: Компаративистский подход. Т. 1. СПб.: Лань, 1998. С. 33.

¹⁸ Для обозначения исследуемого междисциплинарного феномена мы используем, главным образом, два термина – «философская психиатрия» и «философско-клиническое пространство» или «философско-клинические направления». При этом первый обозначает сам междисциплинарный феномен как таковой, а второй – всю совокупность составляющих его направлений.

¹⁹ «Психология и психотерапия как науки, по общему признанию, заинтересованы „человеком“, но прежде всего не больным человеком, а человеком как таковым» (Binswanger L. Existential Analysis and Psychotherapy // Psychoanalysis and Existential Philosophy / Ed. H. M. Ruitenbeek. New York: Dutton amp; Co. 1962. P. 17–18).

²⁰ См. подробнее: Алиева Ч. Э. Проблема концептуализации сравнительной философии: история, теория и методология философской компаративистики. СПб.: Роза мира, 2004.

3. Выделение основных векторов взаимодействия в их связи с конституированием специфической проблематики.

4. Вычленение и анализ промежуточных концептов философско-клинических направлений.

5. Сравнительный анализ философско-клинической картины мира с предшествующей ей философской (например, теорий философской феноменологии и феноменологической психиатрии).

6. Установление механизмов обратного влияния философско-клинического на философское, выделение особенной критики промежуточных концептов и путей их использования для конструирования новых философских систем.

Общим пространством схождения философии и клиники, теории и практики является для философской психиатрии картина болезни, точнее, опыт болезни. Представление этого опыта и несет в себе те элементы, которые поддаются компаративному сравнению: сама система интерпретации, выделяемые механизмы психического расстройства, исследовательские подходы и т. д. Именно здесь, в позитивистской психиатрии и психиатрии философской, мы обнаруживаем сходные и отличные элементы. Стремясь вычленить те из них, которые возникают при трансформации клинического знания в пространстве философии, представим их в виде таблицы 1.

Таблица 1

	<i>Позитивистская психиатрия</i>	<i>Философская психиатрия</i>
Системообразующий элемент картины болезни	диагноз	опыт болезни
Структурные элементы картины болезни	синдромы и симптомы	личностные переживания больного
Механизмы патологических изменений	органические, эндокринные, социальные нарушения	трансформации темпоральности и пространственности
Принципы исследования и интерпретации	диагностика, классификация, интерпретация, объяснение	герменевтика и структурный анализ
Этические стандарты	четкое разграничение нормального и патологического	размывание границ между нормальным и патологическим, признание наличия «нормы» патологии

Но философская теория в пространстве клиники также претерпевает изменения. Тех из них, которые затрагивают философскую феноменологию и экзистенциальную аналитику в

феноменологической психиатрии и экзистенциальном анализе, мы будем касаться на протяжении всей работы и подробно обсудим в конце.

Определяя задачи компаративистского исследования феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа, необходимо вспомнить высказывание А. С. Колесникова о том, что в компаративистском исследовании «главное не в поиске эталона, а в возможности перехода от *поиска соответствий* между явлениями в развитии философии Греции,

Индии и Китая к выявлению *общих закономерностей и различий* на единой методологической основе»²¹. Именно поэтому в исследовании философско-клинических направлений прежде всего необходимо обратиться к методологическим основаниям и проблемному полю философии и психиатрии. Так же, как в компаративистском исследовании Востока и Запада, компаративистика на границе философского и научного мировоззрений требует выделения основных принципов и установок философского и клинического мышления, определения параллелей их развития и формирования, выработки системы критериев их сравнения, разработки категориального пространства философской психиатрии, а также возможностей трансформации этих категорий в пределах обеих мировоззренческих систем.

Кроме того, любое философское исследование феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа ставит совершенно типичную для любого сравнительного исследования проблему – проблему вызревания концептуального пространства на основании «заимствования как копирования» или «заимствования для постановки новых собственных задач». Она еще не раз будет актуализирована при определении степени и особенностей влияния философской феноменологии и экзистенциальной аналитики на конституирование проблемного поля феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа.

Философия и психиатрия соприкасаются и вступают во взаимодействие прежде всего как философская теория и клиническая практика. Пожалуй, именно эта инструментальная (операциональная) черта является наиболее значимой при понимании специфики философско-клинических направлений. Философия предстает как философская теория, психиатрия – одновременно и как медицинская теория, и как практика диагностики и лечения.

Философская теория входит в клиническую практику, минуя жесткие схемы и четкие влияния. Психиатры не столько следуют за идеями философов, сколько выбирают в их работах, выступлениях, семинарах и лекциях, в их речах то, что оказывается интуитивно близко им, и поэтому, возможно, их привлекают именно те идеи, которые философы формулируют на основании ощущений, изначально близких психиатрам, например, на основании переживания разрыва бытия, отчаянья, близости ничто и т. д. Так, Х. Рутенбек отмечает, что экзистенциальный анализ вырастает из экзистенциальной философии и имеет с последней много общего. «Оба заинтересованы кризисом, – пишет он, – один (экзистенциализм – О. В.) – кризисом как характеристикой положения человека, другая (экзистенциальная психотерапия – О. В.) – человеком-в-кризисе»²².

При описании механизмов трансформации философской теории в ее столкновении с клинической практикой психиатрии важно учитывать несколько факторов. Во-первых, то, что эти изменения являются закономерными, что они возникают не как результат личных интеллектуальных предпочтений клиницистов, а как процесс приспособления теории к практике. Теория ведь всегда определяет практику, практика влияет на теорию. Как пишет П. Тиллих, «каждый практический контакт с действительностью приводит к опыту, влияющему на теорию»²³. Эту мысль развивает и Х. Тен Хэв, который пишет, что медицинская антропология

²¹ Колесников А. С. Философская компаративистика: Восток-Запад. СПб.: Изд-во С. – Петерб. ун-та, 2004. С. 9.

²² Ruitenbeek H. Some Aspects of the Encounter of Psychoanalysis and Existential Philosophy // Psychoanalysis and Existential Philosophy... P. XX.

²³ Tillich P. Existentialism and Psychotherapy // Psychoanalysis and Existential Philosophy... P. 8.

является не только проектом антропологически ориентированной медицинской практики, но и результатом этой практики, поскольку практика всегда предшествует теории²⁴. Во-вторых, клиническая практика в обязательном порядке требует не только обычного использования теории как интерпретационной схемы, но и ее прямой пользы в излечении больного человека. Теория поэтому в каком-то смысле здесь подчинена практике: те элементы теории, которые не способствуют эффективности лечения, и даже те, которые имеют нейтральный характер, должны быть трансформированы или исключены. В-третьих, практика психиатрии – это практика столкновения с изнанкой разума, она разворачивается именно в том пространстве, которое в теории разум может лишь представить, но к которому, будучи «здоровым», он приблизиться так никогда и не сможет. Практика психиатрии для разума есть прямой опыт трансцендирования, здесь он видит свою границу, а также то, что может происходить с ним за его пределами. Поэтому практика в этом случае должна не только трансформировать философскую теорию, но и расширять ее. Эти и другие факторы и обуславливают всю сложность тех изменений, которые претерпевает теория и которые уложить в сколько-нибудь отчетливую схему невозможно.

Медицинская практика привлекает философскую теорию и в еще одном аспекте. Г. Е. Берриоз, например, рассматривая вопрос о влиянии феноменологии Гуссерля на феноменологическую психопатологию Ясперса, отмечает, что для самой клиники и медицинского образования эта проблема является не менее важной, чем для философии. По его мнению, если мы признаём, что идеи Гуссерля стали определяющими для развития психопатологии и феноменологии Ясперса, то в этом случае мы должны ввести преподавание феноменологии Гуссерля в учебный процесс медицинских факультетов²⁵. Фактически о том же самом говорит К. Фулфорд, предлагая включить в постдипломное и высшее образование врачей курсы по философским дисциплинам и проблемам, а в философское образование – курсы по психиатрии²⁶. Философия понимается в психиатрии как интегральная теория и методология, рядоположенная теории и методологии клинического исследования.

В схождении теории и практики развивается новая синкретическая философско-клиническая теория, в которой уже никогда нельзя будет четко отделить философское от клинического. Если же все-таки попытаться разбить ее на изолированные элементы, только для того, чтобы понять, как трансформируются эти отдельные составляющие, то перед нами предстанет следующая картина.

Важнейшей чертой, которая будет определять возникающие трансформации, станет парадигмальная принадлежность философской теории, именно она становится причиной возникающего раскола между философско-ориентированной клинической теорией и практикой психиатрии. Все дело в том, что включающаяся в этот процесс клиническая практика неизменно является позитивистской, поскольку именно ее позитивная направленность и лежит в основе научности психиатрии. Позитивизм практики предполагает следующие определяющие его установки: 1) существует объективный внешний мир, и его существование не зависит от человека; 2) в основе всех происходящих процессов лежат однозначные причинные связи; 3) психическое заболевание подобно физическому; 4) человек взаимодействует с миром, отражая его объективные характеристики с помощью органов чувств в объективном пространстве и времени и т. п.

Такая позитивистская практика без возникающих сложностей может взаимодействовать лишь с рационалистической по своей направленности философской теорией. Примером такого взаимодействия является романтическая психиатрия: возникающая в ней философско-ориен-

²⁴ Ten Have H. The Anthropological Tradition in the Philosophy of Medicine // *Theoretical Medicine and Bioethics*. 1995. Vol. 16. № 1. P. 3–14.

²⁵ Berrios G. E. Phenomenology, Psychopathology and Jaspers: A Conceptual History // *History of Psychiatry*. 1992. № 3. P. 303–327.

²⁶ Fulford K. W. M. *Mind and Madness: New Directions in the Philosophy of Psychiatry...* P. 19.

тированная клиническая теория, так же как и предшествующая ей позитивная теория психиатрии, выдвигает основной мерой помощи перевоспитание, и в этом они едины. Никакого противоречия хотя бы здесь нет. Совсем другая ситуация складывается в XX в. . . : феноменология и экзистенциальная аналитика, отходя от парадигмы позитивизма и рационализма, предлагают психиатрии совсем другое мировоззрение. Объективный мир конституируется в момент его восприятия человеком, однозначные причинные связи снимаются, а психическое заболевание перестает трактоваться подобно физическому. В результате развивается в корне отличная от позитивистской практики философско-клиническая теория, к противоречию теории и практики добавляется еще и противоречие между медицинским позитивизмом и философским «иррационализмом».

Философская теория очерчивает в обозначенном взаимодействии картину мира, своеобразный горизонт интерпретации, психиатрия приносит свои традиционные проблемы. Сочетание философской теории и клинической практики приводит к двойственной направленности самой теории: исследованию конкретного психически больного человека и философских оснований психической патологии в целом. Взаимодействуя с психиатрией, философия, разумеется, никогда не сможет «опуститься» до интересующих первую частнонаучных проблем, и с готовностью поднимает в этом пространстве свои собственные: каковы онтологические основания патологического опыта, и что он говорит нам о привычной реальности; какие механизмы конституируют отличный патологический мир и что запускает эти трансформации; что составляет ядро патологического опыта и как вообще онтологически и онтически он возможен; каким путем можно проникнуть в патологическую реальность и каковы основания ее интерпретации. Сочетание философского и клинического, само взаимодействие философии и клиники предполагают шлейф и философских, и клинических проблем, и ни одни, ни другие не утрачивают здесь своей важности, но при этом по причине невозможности разделения возникшей теории на составные части сама проблематика также нередуцируема. Для онтологии философской психиатрии всегда будет существовать лишь патологический опыт и патологическая реальность, для антропологии – лишь психически больной человек, а гносеология будет озабочена познанием только этого фрагмента реальности. Здесь останутся и диагностика, и классификация, и лечение, но все это особым образом начнет преломляться через философскую систему. За диагнозом шизофрении, депрессии, мании будет стоять уже не совокупность синдромов и симптомов, а особая реальность со своей онтологией и онтикой. Классификация уступит место выделению векторов и модусов патологического опыта, но постоянство патологических элементов сохранится. Лечение же станет одной из основных проблем философской психиатрии, поскольку будет выражать всю противоречивость ее составляющих.

Центральным элементом клинической практики является диагностика, и именно поэтому основным вопросом философской психиатрии станет философско-клиническая трактовка патологического опыта. Именно с диагноза и с его философского переосмысления философская психиатрия начнет свое развитие.

Все теории, возникшие в результате взаимодействия философии и психиатрии, представляют нам не психиатрию и не философию как таковую, в их рамках возникает пространство философской рефлексии, если можно так сказать, определенная философская культура. Они развиваются в рамках естественнонаучной парадигмы, на основании клинической практики психиатрии, и несут ее отпечатки. Именно в этом и состоит феномен междисциплинарности философской психиатрии как таковой. Идеи философской психиатрии – это философские идеи, но выдвигают их не философы, а клиницисты, и эту важнейшую черту всегда необходимо помнить. Философские проблемы вызревают в пространстве клиники, в пространстве клинического мышления, знания и опыта. Но сам факт их постановки, сама возможность их формулирования указывает на то, что их возникновению не предшествует философский вакуум, что

наравне с клиническим эту проблематику конституирует и философское мышление, знание и опыт.

Мышление клинициста и мышление философа отличаются уже по самой своей направленности: клиника всегда стремится к конкретике, к уточнению, к четкости и индивидуальности. Ее идеал – конкретная клиническая картина, синдром, симптом, теория с ее конкретными следствиями. Клиническое, или медицинское, образование закладывает основы такого мышления, оно формирует концептуальный аппарат и механизмы мыслительных операций, способствующие решению конкретных задач. Подобное клиническое мышление отчетливо видно в работах Карла Ясперса: его блестящая способность к систематизации, к конкретности и предельной четкости сохраняется у него и тогда, когда он уже отождествит от психиатрии к философии. Философское же мышление в некотором смысле противоположно: оно устремлено к предельному обобщению, охватывает бесконечное множество явлений и не может позволить себе замкнуться на чем-то одном. Эта векторная противоположность философского и клинического мышления будет отражена в том статусе философии и психиатрии, экзистенциальной аналитики и экзистенциального анализа, который, следуя за идеями неокантианства, обозначит Бинсвангер: экзистенциальная аналитика как восхождение и обобщение, экзистенциальный анализ как ее последовательная конкретизация.

Клиническое и философское *знание* стоит за этим мышлением, обуславливает дисциплинарную соотнесенность и специфику проблем. В пространстве философской психиатрии клиническое знание первично, оно представляет собой ядро философской системы. Именно поэтому в теориях представителей феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа различные фрагменты философских систем и концепций, отдельные понятия и сюжетные линии философии окутывают клиническое описание болезни. Первичность клинического знания в какой-то степени и обуславливает свойственный философской психиатрии синкретизм. Ведь речь идет о взаимодействии философии и психиатрии в рамках клиники, и именно клиника обозначает стоящие в философской психиатрии задачи.

Определить такую первичность намного сложнее в пространстве клинического и философского *опыта*, поскольку опыт – это особая тема как всей философской психиатрии, так и феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа в особенности. Мы еще не раз остановимся на этой проблеме, поэтому здесь коснемся лишь самых общих моментов. Клиника, главным образом психиатрическая клиника как столкновение с психическим заболеванием, дает исследователю не только и не столько клинический опыт. Она формирует мышление, способствует накоплению знания, но то переживание, которое всегда сопровождает этот поступательный процесс, никогда не ограничивается клиникой. Этот опыт столкновения с патологией – всегда во многом философский. Мы, стало быть, видим здесь некую двойственность: если знание, лежащее в основе философской психиатрии, главным образом клиническое, если в этой области именно клиника диктует приоритеты, то в сфере опыта приоритет задает философия.

В основе философской психиатрии лежит опыт самого клинициста, то переживание, которое возникает при столкновении с психическим заболеванием. Это ощущение иного бытия, совершенно другого восприятия мира, и одновременно ощущение разрыва и отчуждения, которые невозможно преодолеть. Психически больной человек – это всегда другой, с другим миром и другим опытом, инаковость больного предстает клиницисту в его собственном опыте иногда на уровне чистого ощущения. И это непонимание для философской психиатрии весьма продуктивно, именно оно двигало теми исследователями, которые переступили дисциплинарные рамки психиатрии и устремили свой взор к философии. Включение переживания больного в переживание исследователя и есть та позитивная стратегия, которая позволяет трансформировать опыт клиники в философский опыт.

Проблемы, лежащие на стыке философии и психиатрии, как это ни парадоксально, весьма многообразны. Пытаясь очертить новое пространство философии психиатрии, П. Аппельбаум отмечает, что оно «охватывает философские предположения и идеи, которые являются результатом применения философского метода не только к психопатологии, но и к психиатрическому теоретизированию, категориям психического здоровья, клинической практике и психиатрическому исследованию»²⁷.

Эти вопросы можно разделить по традиционным разделам философии. Общими проблемами как для философии, так и для психиатрии, клиники, является, например, вопрос этиологии и патогенеза психического расстройства (для психиатрии), который в философии трансформируется в вопрос экзистенциального контекста психического заболевания и его онтологического статуса. Для гносеологии, например, это вопрос методологического подхода, который необходимо использовать при исследовании психического заболевания. Это, несомненно, философский вопрос. И исследовал его впервые человек, которого называют виднейшим представителем экзистенциализма, – Карл Ясперс. Для философской антропологии это вопросы о бытии человека в мире, о его сосуществовании с другими людьми, о межличностном взаимодействии, о положении личности в социальной группе, о свободе и принуждении. Для социальной философии – проблема образования и функционирования общества, институтов власти, механизмов властного воздействия, которая является одной из основных в антипсихиатрии.

Проблемное поле философской психиатрии

Онтология

- онтологический статус патологического опыта;
- структура патологического мира;
- пространственность и темпоральность как векторы патологических изменений;
- механизмы ничтожения в психопатологии;
- взаимодействие онтологического и онтического;
- фундаментальная и региональная онтология;
- динамика патологического существования и его детерминанты.

Гносеология

- нормальное и патологическое: принципы разделения;
- понимание и объяснение как исследовательские подходы;
- взаимодействие философии и психиатрии;
- правомерность исследования нормального через патологическое;
- границы феноменологического метода в психиатрии;
- критерии истинности интерпретации патологического опыта;
- механизмы познания мира и трансформации познавательного компонента в психическом расстройстве;

Антропология

- настроенность и переживания психически больного человека;
- место психически больного в обществе;
- отчуждение и стигматизация при психическом заболевании;
- коммуникация и отношения с другими, их роль в психическом заболевании;
- свобода и ответственность в психопатологии;

²⁷ Appelbaum P. Introduction // The Philosophy of Psychiatry: A Companion... P. 7.

- проблема выбора и его границы в психическом заболевании;
- индивидуальность и «я»: патологическое и нормальное.

Этика

- критерий оценивания в психиатрии и стандарты общества;
- взаимосвязь категорий «хорошее – нормальное», «плохое – патологическое»;
- вопрос отношения к психически больному;
- принципы понимающей помощи;

Социальная философия

- онтологические механизмы образования и функционирования общества;
- отношения «человек – человек», «человек – общество»;
- социальные институты, их роль в психиатрии;
- психиатрическая больница как институт власти;
- механизмы властного воздействия и психопатология;
- больной как отчужденный обществом;
- деинституционализация психиатрии.

В последнее время много говорят о необходимости междисциплинарных исследований, об их значении для построения целостной антропологии, разрабатывают методологию междисциплинарных исследований. И дискуссиями о междисциплинарности в настоящее время уже никого не удивишь. В качестве одного из феноменов современной науки она давно обсуждается как в зарубежной, так и в отечественной научной литературе и часто представляется своеобразным идеалом: междисциплинарная ориентация исследования, как считается, отражает высокий профессионализм автора, а междисциплинарная методология – способствует целостному рассмотрению предмета и в гуманитарных науках ассоциируется, в частности, с интегральной теорией человека. Но сама междисциплинарность имеет свою специфику: в свете характерной для нее «пограничности» обычные феномены начинают вести себя совсем иным образом.

Ситуация междисциплинарности подобна ситуации эксперимента: то, что произойдет «на выходе» мы можем лишь предположить, но описать в подробностях, указать точные соотношения, особенности динамики и последствия мы, к сожалению, не можем. Поэтому особенно значимым здесь оказывается обращение к «живой» междисциплинарности, если можно так сказать, междисциплинарности первого уровня, – тем примерам, которые нам предоставляет сам процесс развития наук. Философская психиатрия как раз и дает нам один из таких примеров.

Осмысление философской психиатрии дает нам понимание того, что сам феномен междисциплинарности невозможно проблематизировать в однозначных утверждениях «хорошо» или «плохо». Будучи результатом культурных и исторических трансформаций, она действует по своим собственным законам, акцентирует, стирает и приглушает, совершенно непредсказуемо соединяет в одних аспектах и разъединяет в других. Поэтому междисциплинарность, на наш взгляд, нуждается в непосредственном анализе отдельных междисциплинарных феноменов, а уже потом в осмыслении ее как таковой. Путь индуктивного накопления здесь является одним из самых продуктивных.

Глава 2

Исследовательский базис

§ 1. Споры о границах, чертах, дисциплинарном статусе

Одним из важнейших вопросов, неизменно встающим при исследовании феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа, является вопрос об их представителях, а также о критериях их разделения друг с другом. Необходимо отметить, что для названия обоих течений существует общий термин «экзистенциально-феноменологическая психиатрия», и все споры о терминологии вращаются вокруг двух вопросов: 1) существует ли единая экзистенциально-феноменологическая психиатрия; 2) чем отличается феноменологическая психиатрия от экзистенциального анализа. На этот счет существуют различные точки зрения.

Начнем с исследователя-классика Г. Шпигельберга. В своей работе «Феноменология в психологии и психиатрии»²⁸ никакого разделения между феноменологической психиатрией и экзистенциальным анализом он не проводит. Психиатрическая или, как ее иногда называет Шпигельберг, прикладная феноменология представляется им как область психопатологии и психиатрии, испытавшая влияние одноименного философского движения. Среди ее основных фигур он называет К. Ясперса, Л. Бинсвангера, Э. Минковски, В. Э. фон Гебзаттеля, Э. Штрауса, Ф. Бьютендика, К. Гольдштейна, П. Шильдера, М. Босса, В. Франкла. Заметно, что никакой специфики в выборе представителей феноменологической психиатрии у Шпигельберга нет. В своей работе он лишь исследует все крупные фигуры психиатрии, психологии и психоанализа, испытавшие влияние философской феноменологии.

Г. Элленбергер, описывая пространство «психиатрической феноменологии» по отношению к ее методологическим установкам, выделяет три направления: 1) описательная феноменология (К. Ясперс, ранние работы Л. Бинсвангера) – основана на информации пациента о собственных субъективных переживаниях; 2) генетико-структурный метод (Э. Минковски, В. Э. фон Гебзаттель) – базируется на представлениях о единстве и связи различных проявлений психической патологии и пытается найти их «общий знаменатель», основной фактор; 3) категориальный анализ (Л. Бинсвангер, М. Босс) – описывает психическое заболевание через систему таких координат, как темпоральность, пространственность, причинность и материальность²⁹. К экзистенциальному анализу Элленбергер причисляет лишь идеи позднего Бинсвангера и его последователей.

Р. Мэй, которого самого часто относят к представителям экзистенциально-феноменологической психиатрии, называет единый комплекс рассматриваемых в данной работе идей экзистенциально-аналитическим направлением психологии и психиатрии и выделяет в его развитии две стадии: 1) феноменологическую (Э. Минковски, Э. Штраус, В. Э. фон Гебзаттель) и 2) экзистенциальную (Л. Бинсвангер, М. Босс, Дж. Бэлли, Р. Кун, Я. Х. Ван Ден Берг, Ф. Бьютендик)³⁰.

А. Краус для обозначения клинических направлений, использующих достижения феноменологии, предлагает использовать термин «феноменологически-антропологическая психи-

²⁸ Spiegelberg H. Phenomenology in Psychology and Psychiatry. A Historical Introduction. Evanston Ill.: Northwestern University Press, 1972. Подробнее об этой книге см.: Власова О. А. Герберт Шпигельберг и прикладная феноменология // Логос. 2006. № 6 (57). С. 162–166. См. также: Шпигельберг Г. Феноменология в психоанализе // Логос. 2006. № 6 (57). С. 167–183.

²⁹ Элленбергер Г. Клиническое введение в психиатрическую феноменологию и экзистенциальный анализ // Экзистенциальная психология. Экзистенция / Пер. с англ. М. Занадворова, Ю. Овчинниковой. М.: ЭКСМО, 2001. С. 207–228.

³⁰ Мэй Р. Истоки экзистенциального направления в психологии и его значение // Экзистенциальная психология. Экзистенция... С. 106.

атрия», по-видимому, акцентируя таким образом базис (феноменология) и направленность (исследования человека) этих теорий³¹.

Й. – Э. Мейер, сосредоточивая свое исследование на Dasein-анализе, описывает его как антропологическое исследовательское направление в психиатрии, развивавшееся в 1950–1965 гг. «Родоначальниками» этого направления он называет Л. Бинсвангера, Э. Минковски, В. Э. фон Гебзаттеля и Э. Штрауса³².

Исследователь работ Л. Бинсвангера С. Н. Гаеми использует понятие «экзистенциальная школа психиатрии» и делит эту «школу» на три ветви: 1) основанную на работах Гуссерля и акцентирующую внимание на феноменологической редукции (К. Ясперс); 2) базирующуюся на ранних работах Хайдеггера и акцентирующую внимание на структуре мира каждого конкретного человека (Л. Бинсвангер); 3) опирающуюся на поздние работы Хайдеггера и сосредоточенную на важности концепта подлинности или аутентичности (Р. Д. Лэйнг, Э. Фромм)³³.

Нет смысла далее перечислять все классификации и приводить имена других авторитетных исследователей. Все они не составят единой картины и не дадут ответы на поставленные выше вопросы. Каждый исследователь приводит собственные основания для разделения или объединения обсуждаемых направлений. На наш взгляд, разделение единой традиции экзистенциально-феноменологической психиатрии на два течения – феноменологическую психиатрию и экзистенциальный анализ – вполне правомерно, особенно в философском исследовании. В этом случае к феноменологической психиатрии будут причислены работы К. Ясперса, Э. Минковски, В. Э. фон Гебзаттеля, Э. Штрауса, Я. Х. Ван Ден Берга, ранние работы Л. Бинсвангера и др.; к экзистенциальному анализу – работы Л. Бинсвангера, вышедшие после 1930 г., труды М. Босса, Р. Куна, Х. Хафнера, В. Бланкенбурга, Ю. Цутта, Т. Хора, А. Мальдини, Х. Х. Лопеса Ибора и др.

Отделяя феноменологическую психиатрию от экзистенциального анализа, мы так или иначе сознательно идем на определенные натяжки. Обойти эти подводные камни, ничего при этом не потеряв, не представляется возможным, поэтому для ясности обозначим их сразу. Есть три следствия разделения феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа, которые не очень хороши для исследования. Во-первых, в этом случае феноменологическая психиатрия понимается в основном как более раннее явление по сравнению с экзистенциальным анализом, т. е. как его предшественница. Это не совсем так, поскольку развитие феноменологической психиатрии продолжалось и после возникновения экзистенциального анализа. В этом можно легко убедиться, взглянув на даты выхода работ ее представителей. Во-вторых, феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ настолько тесно переплетаются друг с другом, что иногда установить границы (например, в поздних работах Бинсвангера) практически невозможно. В-третьих, феноменологическая психиатрия не остается закрытой от влияния идей Хайдеггера, в работах ее представителей мы встретим его терминологию. По этой причине говорить об исключительном влиянии Гуссерля не вполне правомерно. Здесь надо сразу оговорить тот факт, что экзистенциальная аналитика Хайдеггера привлекается феноменологическими психиатрами в общей канве других феноменологически ориентированных теорий без постулирования ее исключительной ценности и важности. Но, несмотря на наличие этих подводных камней, принятое нами разделение имеет два существенных достоинства: не обходит стороной особенностей развития (зарождения и распростране-

³¹ Краус А. Диагностика и классификация в психиатрии, начиная с работ К. Ясперса // *Философия и психопатология. Научное наследие К. Ясперса: 4-й Российско-германский симпозиум. РГСУ, 1–3 июня 2005 г.* / Под ред. В. И. Жукова. М.: Изд-во РГСУ, 2006. С. 57.

³² См.: Passie T. *Phänomenologisch-anthropologische Psychiatrie und Psychologie. Eine Studie über den «Wengener Kreis»*: Binswanger – Minkowski – von Gebattel – Straus. Hurlgenwald: G. Pressler, 1995. S. 11.

³³ Ghaemi S. N. *Rediscovering Existential Psychotherapy: The Contribution of Ludwig Binswanger* // *American Journal of Psychotherapy*. 2001. Vol. 55. № 1. P. 51.

ния) единой традиции экзистенциально-феноменологической психиатрии и позволяет дифференцировать феноменологическую психиатрию и экзистенциальный анализ в их специфике и особенностях.

Феноменологическую психиатрию нельзя назвать ни школой, ни направлением мысли, она не имеет ни родоначальника, ни идейного лидера, ни четкой программы. Это скорее течение, возникшее в междисциплинарном пространстве философии и психиатрии. Здесь полезно, на наш взгляд, обратиться к тем критериям *движения*, которые в своей работе о феноменологии выделяет Г. Шпигельберг. Среди таковых он называет: 1) подвижность и динамику, детерминацию развития не только внутренними, но и внешними принципами; 2) объединение нескольких параллельных течений, которые соотносятся друг с другом, но не являются однородными и развиваются асинхронно; 3) наличие у этих течений общей отправной точки при отсутствии общей и определенной точки назначения³⁴. Всем этим критериям феноменологическая психиатрия соответствует. С экзистенциальным анализом все обстоит несколько иначе. Он имеет своего родоначальника – Людвига Бинсвангера, единую интерпретативную сетку, сплетенную из нитей хайдеггеровой онтологии, его развитие сопровождается даже характерными для школ спорами о чистоте учения.

Необходимо отметить и еще один момент. В настоящей работе по отношению к теории Бинсвангера и его последователей употребляется термин «экзистенциальный анализ», а не «Dasein-анализ». Сам Бинсвангер называл основанное им направление «Daseinsanalyse», акцентируя при этом его связь с хайдеггеровой Dasein-аналитикой. В немецкоязычной литературе в большинстве случаев употребляется именно этот термин, т. е. он более подходящ исторически, в его изначальной оригинальной трактовке. Но из-за трансформации термина «Dasein» при переводе на другой язык историческая справедливость в большинстве случаев уступает исследовательской. В англоязычных и франкоязычных странах чаще используют термин «экзистенциальный анализ».

Наиболее правильным с исследовательских позиций будет все-таки именовать это направление экзистенциальным анализом, потому что, как мы выясним в самой работе, Бинсвангер и его последователи озабочены не Dasein, а существованием человека, основной для них вопрос – это то, как этот человек существует, и каковы особенности его существования. Поэтому экзистенциальный анализ экзистенциален по своей направленности и с точки зрения Хайдеггера, и с точки зрения Сартра.

В настоящей книге мы отдаем предпочтение со всеми возможными оговорками и последствиями исследовательской, а не исторической справедливости, сохраняя термин Dasein-анализ лишь для обозначения идей М. Босса в силу их направленности и тесной связи с учением Хайдеггера, во всех остальных случаях именуем основанное Бинсвангером направление как экзистенциальный анализ.

Указанные черты во многом обуславливают специфику как феноменологической психиатрии, так и экзистенциального анализа:

1. В философском отношении первая ориентируется, главным образом, на Гуссерля и других представителей ранней феноменологии, второй – на фундаментальную онтологию Хайдеггера.

2. Основным исследовательским подходом для феноменологических психиатров становится понимание как проникновение во внутренний мир психически больного человека и структурный подход. Сохраняя структурный подход, экзистенциальный анализ вырабатывает собственную систему метаонтической интерпретации.

³⁴ Шпигельберг Г. Феноменологическое движение. Историческое введение / Пер. с англ. группы авторов под ред. М. Лебедева, О. Никифорова. Ч. 3. М.: Логос, 2002. С. 21.

3. Развитие феноменологической психиатрии проходит практически независимо от психоанализа и его критики. Для экзистенциального анализа критика психоанализа является одной из составляющих, именно поэтому по отношению к нему не менее распространено название «экзистенциальный психоанализ».

4. По своей исследовательской направленности феноменологическая психиатрия более статична, в ракурсе ее исследования – сущность опыта и его феномены, в то время как экзистенциальный анализ интересуется процесс развертывания этого опыта в окружающем мире, т. е. существование человека.

5. Феноменологической психиатрии чуждо стремление к образованию единой школы и определению своих границ и метода. Для нее также не характерна борьба за правильность толкования, подобная той, что разворачивалась в рамках экзистенциального анализа в интеллектуальном треугольнике «Бинсвангер-Хайдеггер-Босс».

6. Представителей феноменологической психиатрии объединяет практический метод, представителей экзистенциального анализа – теоретический подход, при этом первая эклектична, второй синкретичен.

Более подробно о сходствах и различиях, особенностях развития и пересечения феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа мы поговорим в соответствующих главах.

§ 2. Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ как исследовательское пространство: степень изученности

Определив границы и наметив возможные трудности и подводные камни исследования, самое время перейти к тому исследовательскому «заделу», который существует в отношении интересующей нас области в мировой и отечественной науке. Здесь мы видим две совершенно различные картины.

Существующие в зарубежной науке работы можно разделить на две группы, к первой отнесем те, которые посвящены исследованию этой традиции (или каждой из ее форм) в целом, а ко второй – затрагивающие идеи отдельных представителей. Контекст этих работ может быть различен: это и рассмотрение феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа в качестве течений в психиатрии XX в., и их изучение в контексте феноменологической психологии, и акцентирование влияния философии на их развитие³⁵.

В отношении феноменологической психиатрии необходимо коснуться трех работ – англоязычной «Феноменологии в психологии и психиатрии» Г. Шпигельберга, франкоязычной «Феноменологической психиатрии» Ж. Лантери-Лора и немецкоязычной «Феноменологически-антропологической психиатрии и психологии» Т. Пасси, являющихся классическими для исследователей всего мира³⁶.

Самым масштабным исследованием экзистенциально-феноменологической традиции является работа Герберта Шпигельберга «Феноменология в психологии и психиатрии: Исто-

³⁵ Strasser S. Phenomenological Trends in European Psychology // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1957. Vol. 17. № 4. P. 18–34; Strasser S. Phenomenologies and Psychologies // *Review of Existential Psychology and Psychiatry*. 1965. Vol. 5. № 1. P. 80–105; Van Kaam A. The Impact of Existential Phenomenology on the Psychological Literature of Western Europe // *Review of Existential Psychology and Psychiatry*. 1961. Vol. 1. № 1. P. 63–92; Tatossian A. *Psychiatrie phénoménologique*. Paris: Acanthe, 1997; Beaumont P. J. V Phenomenology and the History of Psychiatry // *Australia and New Zealand Journal of Psychiatry*. 1992. Vol. 26. № 4. P. 532–545; Berrios G. E. Phenomenology and Psychiatry: Was There Ever a Relationship? // *Comprehensive Psychiatry*. 1993. Vol. 34. № 4. P. 213–220; Bracken P. J. 1998. Phenomenology and Psychiatry // *Current Opinion in Psychiatry*. 1998. Vol. 12. № 5. P. 593–596.

³⁶ Материалом настоящего обзора послужила главным образом англоязычная, немецкоязычная и франкоязычная исследовательская литература.

рическое введение». Практически ни одна монография по соответствующей тематике не обходится без ссылок на этот монументальный труд. Для англоязычного читателя эта работа явилась первой книгой, которая представила совершенно неизвестный и своеобразный пласт исследований на границе философии, психологии и психиатрии.

Область психологии, психопатологии и психиатрии Шпигельберг называет той сферой, где феноменология приобрела особенно большое значение. Именно самобытностью феноменологических исследований, их своеобразием в психологической науке, а также в психиатрической клинике он и аргументирует потребность написания отдельной работы. В своей первой книге «Феноменологическое движение» он отмечал: «... Следует с самого начала заметить, что в отношении феноменологического движения в целом настоящая история остается заведомо несовершенной. Поскольку в данном исследовании вовсе не фигурируют или лишь бегло возникают имена Германа Вейля, Карла Ясперса (в качестве психопатолога), Людвиг Бинсвангера, Эрвина Штрауса и Эжена Минковски, то может возникнуть ощущение, что важнейшие части общей картины отсутствуют. <...> В настоящий момент я могу лишь открыто признать этот недостаток книги и выразить надежду, что если не я сам, то хотя бы кто-то сможет когда-нибудь восполнить этот пробел»³⁷. Как замечает и сам автор во второй своей работе, его надежды не сбылись, и поэтому ему пришлось самому взять на себя смелость реализовать эту задачу.

Материалы, представленные в книге Шпигельберга, получены из первых рук. Он не только ознакомился с первоисточниками, которые благодаря своему немецкому происхождению мог свободно читать, но лично общался с теми, чьи взгляды представлены на страницах его *opus magnum*. Личное знакомство с учеными открыло ему доступ к большому количеству материалов, до сих пор не опубликованных даже на родном языке, главным образом, к переписке.

Шпигельберг обращается как к психологии, так и к психиатрии. Его работа состоит из двух частей: «Вклад феноменологии в психологию и психиатрию: общая картина» и «Исследование ведущих фигур феноменологической психологии и психиатрии». Он не разделяет психологию и психиатрию в описании влияния на них феноменологии, аргументируя такую позицию чрезвычайно высокой степенью их пересечения.

Эта работа имеет подзаголовок «Историческое введение», и поэтому такой энциклопедический охват полностью оправдан. Характеризуя замысел и значение своей работы, Шпигельберг пишет: «Эта книга, как и предшествующая, выступает прежде всего как пособие. Ее задача – разбудить у читателя интерес, но это не значит, что он должен прочесть ее от корки до корки. <...> Я не разделяю саморазрушительное высокомерие многочисленных авторов, которые говорят своим потенциальным читателям, что они обязаны прочесть каждое слово текста перед тем, как выносить о нем какое-либо суждение. Я надеюсь, что смогу наметить перспективы и стимулировать дальнейший интерес даже к более сложным областям»³⁸. Нам кажется, что эта задача Шпигельбергом полностью реализована. Его книга действительно инициирует дальнейшие исследования и служит источником нового.

Необходимо помнить, что «Феноменология в психологии и психиатрии» написана в 1972 г., и многие ее персонажи тогда еще продолжали свои исследования. Были живы Минковски, Гебзаттель, Штраус, Бьютендик, Босс и Франкл. Феноменологическая психиатрия и феноменологическая биология только формировались как области исследования. Но, несмотря на это, те линии, которые проводит Шпигельберг в своей работе, и те выводы, которые он делает, сегодня не выглядят поспешными и необоснованными.

Феноменология, подчеркивает он, не должна конкурировать с психологией и психиатрией. Его поддерживают практически все исследователи, теорий которых он касается в своей

³⁷ Шпигельберг Г. Феноменологическое движение... С. 17.

³⁸ Spiegelberg H. Phenomenology in Psychology and Psychiatry... P. XXXII.

работе. Философский, феноменологический базис никогда не сможет заменить естественно-научную основу. Феноменология как философское направление или движение должна помогать науке, обогащая и укрепляя ее основания, направляя ее интерес и поддерживая основные методы и процедуры. «Философы-пуристане, – пишет Шпигельберг в конце своей книги, – время от времени отрицали, что может существовать что-то вроде феноменологической психологии и психиатрии с приемлемыми философскими основаниями. <...> Проведенный анализ может, по крайней мере, уверить скептиков в том, что между феноменологической философией и такими науками, как психология и психиатрия, существуют очевидные связи. Кроме того, книга должна была показать, что феноменология – это больше, чем философская теория, и что она чрезвычайно плодотворна для гуманитарных наук»³⁹.

Из книг с одноименными названиями, полностью посвященных феноменологической психиатрии, можно также назвать работу «Феноменологическая психиатрия» сравнительно недавно ушедшего из жизни французского психиатра Жоржа Лантери-Лора. Несмотря на такое название, открыв книгу, мы не найдем ни анализа концепций Минковски, фон Гебзаттеля, Штрауса, Бинсвангера, Ясперса или других исследователей, ни фактически описания сущности феноменологического движения в психиатрии. Посему, книга достаточно странная. Во введении, обосновывая цели этой работы, автор отмечает: «Мы, следовательно, считаем, что перед тем как приступить к непосредственному изучению различных аспектов феноменологической психиатрии, нужно осветить наиболее важные философские основания. Поэтому в настоящей работе, служащей общим введением в феноменологическую психиатрию, мы хотим попытаться точно обрисовать, что представляет собой, чем является эта феноменология, и что она нам приносит»⁴⁰. При такой стратегии на каждом из этапов исследования Лантери-Лора планирует возвращаться к психопатологии и пытаться резюмировать то, что приносит каждый из вариантов феноменологии как в общее знание о человеке, так и в учение о психических заболеваниях. После разъяснения философских оснований можно будет, по мнению автора, приступить к изучению самой феноменологической психиатрии. Но это он, по его собственному утверждению во введении к книге, планирует сделать уже в следующей работе. Надо ли упоминать, что эта обещанная вторая работа так и не была написана.

Книга «Феноменологическая психиатрия» тем не менее являет нам единственный на настоящий момент пример работы, полностью посвященной философским основаниям феноменологической психиатрии, и потому заслуживает пристального внимания. Сама работа с целью очерчивания этих оснований обращается к фигурам Гегеля, Кьеркегора, Гуссерля, Хайдеггера, Сартра и Мерло-Понти. Несмотря на благие намерения, сам выбор фигур парадоксален. Так, например, обращаясь к Гегелю, Лантери-Лора отмечает: «Если мы всерьез хотим прояснить философские основания феноменологической психиатрии, мы должны начать с того философа, который первым использовал этот термин в оригинальном смысле и смог увидеть благодаря своеобразному предвидению все прочие смыслы, которые он обретет; поэтому мы не смогли бы опустить исследование Гегеля и в особенности реконструкцию основных положений „Феноменологии духа“»⁴¹. На наш взгляд, для понимания «феноменологичности» феноменологической психиатрии совсем не обязательно ходить так далеко, как это делает автор рассматриваемой работы, тем более что феноменология Гегеля как таковая совершенно не повлияла на развитие этого направления.

Парадоксально, что философские основания феноменологической психиатрии у Лантери-Лора составляет и экзистенциальная феноменология Мерло-Понти, хотя даже его ран-

³⁹ Ibid. P. 359.

⁴⁰ Lantéri-Laura G. La psychiatrie phénoménologique: Fondements philosophiques. Paris: PUF, 1963. P. 6.

⁴¹ Ibid. P. 13.

няя «Феноменология восприятия» сама несет отпечаток феноменологической психиатрии и содержит прямые ссылки на идеи ее представителей.

Такие же противоречия наблюдаются в каждой главе. Почему-то автор выделяет после своих долгих реконструкций в основном те элементы, которые были как раз не наиболее, а наименее значимыми при формировании феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа. Поэтому в результате никаких сколь-либо четких философских оснований феноменологической психиатрии у Лантери-Лора не вырисовывается. Совершая ту же ошибку, от которой он сам предостерегает в главе о Гуссерле, автор допускает хронологические неточности, перестановки фигур влияния, а также никак не может отделить главное от второстепенного. Стоит ли отмечать, что сама реконструкция философских идей того или иного мыслителя осуществляется на уровне достаточно посредственного учебника истории философии. Поэтому, несмотря на интересную и оригинальную цель, а также на наличие нескольких весьма продуктивных соображений, работа выглядит достаточно запутанной и невнятной.

И третье исследование – немецкоязычная «Феноменологически-антропологическая психиатрия и психология. Исследование „Венгенского кружка“: Бинсвангер – Минковски – фон Гебзаттель – Штраус»⁴² – не менее любопытно. Торстен Пасси в этой работе выделяет из всей феноменологической психиатрии, заимствуя термин у Гебзаттеля, «Венгенский кружок», в который включает Л. Бинсвангера, Э. Минковски, В. Э. фон Гебзаттеля и Э. Штрауса (их связывали около сорока лет дружбы и переписки). Название происходит от названия курортного швейцарского городка Венген в Альпах, бывшего местом ежегодного отдыха Бинсвангера и частых встреч этих психиатров.

Пасси отмечает, что многие достижения антропологических психиатров в настоящее время, скорее, преданы забвению, и выделяет такие моменты этого направления, рассмотрение которых актуально и продуктивно в настоящее (книга издана в 1995 г.) время:

- исследование позиции субъекта в ситуации болезни, а также в самом процессе научного исследования;
- вдохновленное этими подходами изменение отношения к безумцам, имеющее центральное значение для гуманизации психиатрической практики;
- экспликация антропологических предпосылок некоторых методов и теоретических моделей научного исследования;
- попытка приблизиться к пониманию условий патологических изменений и «нормы»;
- направленность на потенциальную связь людей, а также врача и пациента, значимая в современных условиях больше, чем когда бы то ни было;
- признание субъективного мира и индивидуализация понимания нормы и болезни, индуцирующее исследования по феноменологии трансформированного опыта мира⁴³.

Книга подробно обсуждает идеи каждого из представителей «Венгенско-го кружка», в конце подводя итог, намечая сходства и различия, а также обсуждая философские аспекты этого направления.

В западной литературе исследованы и идеи отдельных представителей феноменологической психиатрии.

Психопатологически-философские идеи К. Ясперса анализируются в аспекте проблемы метода (В. Шмитт; М. Шпитцер; К. Уокер; Дж. Коллинз; Л. Лефевр; Ж. Лантери-Лора; К. П.

⁴² Passie T. Phänomenologisch-anthropologische Psychiatrie und Psychologie. Eine Studie über den «Wengener Kreis»: Binswanger – Minkowski – von Gebzattel – Straus. Hurlgenwald: G. Pressler, 1995.

⁴³ Ibid. S. 12.

Эмбмайер⁴⁴), в аспекте влияния на его творчество феноменологии (Г. Е. Берриоз; М. Ланенбах; О. Виггинс, М. Шварц; К. Уокер; Х. Штирлин; Р. Ф. Чедвик⁴⁵), описательной психологии В. Дильтея (Г. Е. Берриоз; Х. П. Рикман⁴⁶), социологии М. Вебера (Д. Хенрих; Х. Штирлин; М. Ланенбах⁴⁷), философии И. Канта (К. Уокер; Д. Мюллер-Хегеманн⁴⁸). Некоторые работы посвящены анализу его легендарной «Общей психопатологии» (М. Шеперд, К. Шнайдер⁴⁹), во многих описывается психиатрический этап его творчества в контексте дальнейшего развития психиатрии (В. Шмитт; А. Том, К. Вайзе; И. Глацель; В. Янцарик; Х. Хайманн; Д. Боултон; Ф. Дженнер⁵⁰).

Творчество остальных представителей феноменологической психиатрии изучено в гораздо меньшей степени. Немногочисленные статьи и фрагменты книг, касающиеся наследия

⁴⁴ Schmitt W. Karl Jaspers und die Methodenfrage in der Psychiatrie // Psychopathologie als Grundlagenwissenschaft / Hrsg. W. Janzarik. Stuttgart: F. Enke, 1979. S. 74–82. \ Spitzer M. Psychiatry, Philosophy and the Problem of Description // Psychopathology and Philosophy / Ed. M. Spitzer, F. A. Uehlein and G. Oepen. Berlin: Springer, 1988. S. 3–18. \ Walker C. Philosophical Concepts and Practice: The Legacy of Karl Jaspers' Psycho-pathology // Current Opinion in Psychiatry. 1998. № 1. P. 624–629. Collins J. Jaspers on Science and Philosophy // The Philosophy of Karl Jaspers. / Ed. P. A. Schilpp. Peru, IL: Open Court Publishing Company, 1957. P. 115–140. Lefevre L. B. The Psychology of Karl Jaspers // The Philosophy of Karl Jaspers... P. 467–497. \ Lanteri-Laura G. La notion de processus dans la pensée psychopathologique de K. Jaspers' // L'Évolution psychiatrique. 1962. Vol. 27. № 4. P. 459–499. Embmeier K. P. Explaining and Understanding in Psychopathology // British Journal of Psychiatry. 1987. Vol. 151. № 6. P. 800–804.

⁴⁵ Berrios G. E. Phenomenology, Psychopathology and Jaspers: a Conceptual History ^ History of Psychiatry. 1992. № 3. P. 303–327. \ Langenbach M. Phenomenology, Intentionality and Mental Experiences: Edmund Husserl's Logische Untersuchungen and the First Edition of Karl Jaspers's Allgemeine Psychopathologie // History of Psychiatry. 1995. Vol. 22. № 6. P. 209–224. Виггинс О., Шварц М. Влияние Эдмунда Гуссерля на феноменологию Карла Ясперса // Независимый психиатрический журнал. 1997. № 4. С. 4–12; 1998. № 1. С. 5–12; Wiggins O. P., Schwartz M. A., Spitzer M. Phenomenological / Descriptive Psychiatry: the Methods of Edmund Huserl and Karl Jaspers // Phenomenology, Language and Schizophrenia. / Ed. M. Spitzer and al. New York; Heidelberg: Springer, 1992. P. 3–15. \ Walker C. Karl Jaspers and Edmund Husserl. I: The Perceived Convergence // Philosophy, Psychiatry, Psychology. 1994. Vol. 1. № 2. P. 117–134; Walker C. Karl Jaspers and Edmund Husserl. II: The Divergence // Philosophy, Psychiatry, Psychology. 1994. Vol. 1. № 4. P. 245–265; Walker C. Karl Jaspers and Edmund Husserl. III: Jaspers as a Kantian Phenomenologist // Philosophy, Psychiatry, Psychology. 1995. Vol. 2. № 1. P. 65–82; Walker C. Karl Jaspers and Edmund Husserl. IV: Phenomenology and Empathic Understanding // Philosophy, Psychiatry, Psychology. 1995. Vol. 2. № 3. P. 247–266. Stierlin H. Karl Jaspers' Psychiatry in the Light of his Basic Philosophical Position // Journal for the History of the Behavioural Sciences. 1974. Vol. 10. № 2. P. 213–226. Chadwick R. F. Commentary on «Karl Jaspers and Edmund Husserl» // Philosophy, Psychiatry, amp; Psychology. 1995. Vol. 2. № 1. P. 83–84.

⁴⁶ Berrios G. E. Descriptive Psychopathology: Conceptual and Historical Aspects // Psychological Medicine. 1984. Vol. 14. № 2. P. 303–313. \ Rickman K. P. The Philosophic Basis of Psychiatry: Jaspers and Dilthey // Philosophy of the Social Sciences. 1987. Vol. 17. № 2. P. 173–196.

⁴⁷ Henrich D. Karl Jaspers: Thinking with Max Weber in Mind // Max Weber and his Contemporaries / Ed. W. J Mommsen and J. Osterhammer. London: Unwin Hyman, 1987. P. 528–544. \ Stierlin H. Karl Jaspers' Psychiatry in the Light of his Basic Philosophical Position... Frommer J., Frommer S., Langenbach M. Max Weber's Influence on the Concept of Comprehension in Psychiatry // History of Psychiatry. 2000. Vol 11. № 44. P. 345–354.

⁴⁸ Walker C. Karl Jaspers as a Kantian Psychopathologist. I. The Philosophical Origins of the Concept of Form and Content // History of Psychiatry. 1993. Vol. 4. № 14. P. 209–238; Walker C. Karl Jaspers as a Kantian Psychopathologist. II. The Concept of Form and Content Jaspers' Psychopathology // History of Psychiatry. 1993. Vol. 4. № 17. P. 321–348; Walker C. Karl Jaspers as a Kantian psychopathologist, III. The Concept of Form in Georg Simmel's Social Theory: A Comparison with Jaspers // History of Psychiatry. 1994. Vol. 5. № 17. P. 37–70. \ Müller-Hegemann D. Jaspers and the Heidelberg Psychiatric School // International Journal of Psychiatry. 1968. Vol. 6. № 1. P. 50–62.

⁴⁹ Shepherd M. Karl Jaspers: General Psychopathology // British Journal of Psychiatry. 1982. Vol. 141. P. 310–312 \ Schneider K. 25 Jahre «Allgemeine Psychopathologie» von Karl Jaspers // Der Nervenarzt. 1938. Bd. XI. S. 281–283...

⁵⁰ Schmitt W. Karl Jaspers und die Methodenfrage in der Psychiatrie // Psychopathologie als Grundlagenwissenschaft / Hrsg. W. Janzarik. Stuttgart: F. Enke, 1979. S. 74–82. Thom A., Weise K. Der Beitrag von Karl Jaspers zur Entwicklung der Psychiatrie // Karl Jaspers (1883–1969). Eine marxistisch-leninistische Auseinandersetzung mit Jaspers'philosophischem, politischem und medizinischem Werk / Hrsg. H.– D. Gerlach, S. Mocek. Halle / Saale: Kongreß- und Tagungsberichte der Martin-Luther Universität Halle-Wittenberg, 1984. S. 185–194. \ Glatzel J. Die Psychopathologie Karl Jaspers' in der Kritik // Karl Jaspers. Philosoph, Arzt, politischer Denker / Hrsg. J. Hersch, J. M. Lochman, R. Wiehl. München: Piper, 1986. S. 161–178. \ Janzarik W. Jaspers, Kurt Schneider und die Heidelberger Psychopathologie // Karl Jaspers. Philosoph, Arzt, politischer Denker / Hrsg. J. Hersch, J. M. Lochman, R. Wiehl. München: Piper, 1986. S. 112–126. \ Heimann H. Der Einfluß von Karl Jaspers auf die Psychopathologie // Monatsschrift für Psychiatrie und Neurologie. 1950. Bd. 120. № 1. S. 1–20. Bolton D. Shifts in the Philosophical Foundations of Psychiatry Since Jaspers: Implications for Psychopathology and Psychotherapy // International Review of Psychiatry. 2004. Vol. 16. № 3. P. 184–189. \ Jenner F A., Monteiro A. C., Vlissides D. The Negative Effects on Psychiatry of Karl Jaspers' Development of Verstehen // Journal of the British Society for Phenomenology. 1986. Vol. 17. № 1. P. 52–71.

Э. Минковски, в основном затрагивают его концепцию времени (Ж. Шамон, А. Юрфер, В. Крапанзано⁵¹), анализируют содержание предложенного им феноменологически-структурного анализа (С. Фоллен, Ж. Лантери-Лора, Дж. Кокелманс и Т. Кисил⁵²), реконструируют его идеи в контексте последующего развития психологии и психиатрии (А. Татосиан, Ж. Гаррабе, Р. Д. Лэйн⁵³).

Идеи Эрвина Штрауса исследованы в большей степени, чем идеи Минковски. На это указывает наличие как статей, так и, правда единственной, но монографии (точнее, изданной диссертации). Творчество Штрауса часто изучают в сравнительной перспективе (Дж. Бреннан; Р. Д. Чессик; М. Натансон⁵⁴) или реконструируют отдельные аспекты его теоретической системы (Д. Маккена Мосс; Ф. Леони; Р. Барбара⁵⁵) и описывают синкретический, философско-клинический характер его идей (Л. Джессер, Дж. Фой; Э. Д. Пеллегрини, С. Ф. Спикер; Р. М. Заннер, Р. Кун⁵⁶). Отдельного упоминания заслуживает монография Франца Боссона «Жизнь и творчество Эрвина Вальтера Максимилиана Штрауса (1891–1975)»⁵⁷, воссоздающая основные вехи его творческой жизни и до сих пор являющаяся единственной в своем роде.

Работы и идеи В. Э. фон Гебзаттеля также исследованы крайне скудно. Всю ситуацию с изучением его наследия отражают два факта. Совсем недавно были защищены две диссертации по медицинским наукам, касающиеся его жизненного пути и системы антропологической психотерапии: в 1996 г. на медицинском факультете Бюрцбургского университета – диссертация «Антропологическая психотерапия Виктора Эмиля фон Гебзаттеля»⁵⁸, в 2008 г. на медицинском факультете Тюбингенского университета – первая и единственная диссертация, обобщающая его жизненный путь, – «Виктор Эмиль фон Гебзаттель (1883–1976): жизнь и творчество»⁵⁹. Поэтому даже в клиническом ракурсе осмысление его наследия только начинается. Глава, посвященная Гебзаттелю в монументальном труде Шпигельберга «Феноменология в психологии и психиатрии», как это ни парадоксально, начинается словами: «По сравнению с Ясперсом, Бинсвангером, Минковски или Штраусом Гебзаттель, кажется, едва ли заслуживает

⁵¹ Chamond J. Le temps de l'illégitimité dans la schizophrénie. Approche phénoménologique // L'Évolution psychiatrique. 1999. Vol. 64. № 2. P. 323–336. \ \ Urfer A. Phenomenology and Psychopathology of Schizophrenia: The Views of Eugene Minkowski // Philosophy Psychiatry, amp; Psychology. 2001. Vol. 8. № 4. P. 279–289. Crapanzano V. Imaginative Horizons: An Essay in Literary-Philosophical Anthropology. Chicago: University of Chicago Press, 2004. P. 103–107.

⁵² Follin S. Avant Propos // Minkowski E. La schizophrénie. Paris: Payot, 1997. Lantéri-Laura G. Eugène Minkowski (1885–1972). Notes sur son œuvre psychiatrique // Psychiatrie française. 1989. № 2. P. 261–266. \ \ Phenomenology and the Natural Science: Essays and Translations. / Ed.: J. J. Kockelmans, Th. J. Kisiel. Evanston: Northwestern University Press, 1970. P. 236–237.

⁵³ Tatossian A. Eugène Minkowski ou l'occasion manquée // Psychiatrie et existence / Éd. P. Férida, J. Schotte. Paris: Jérôme Mignon, 1991. P. 11–22. \ \ Гаррабе Ж. История шизофрении / Пер. с франц. А. Д. Пономарева. М.; СПб., 2000. Laing R. D. Minkowski and Schizophrenia // Review of Existential Psychology and Psychiatry. 1963. Vol. 11. № 3. P. 195–207.

⁵⁴ Brennan J. F. Upright Posture as the Foundation of Individual Psychology: A Comparative Analysis of Adler and Straus // Journal of Individual Psychology. 1968. Vol. 24. № 1. P. 25–32. \ \ Chessick R. D. The Phenomenology of Erwin Straus and the Epistemology of Psychoanalysis // American Journal of Psychotherapy. 1999. Vol. 53. № 1. P. 82–95. Natanson M. Erwin Straus and Alfred Schutz // Philosophy and Phenomenological Research. 1982. Vol. 42. № 3. P. 335–342.

⁵⁵ McKenna Moss D. Erwin Straus and the Problem of Individuality // Human Studies. 1979. Vol. 4. № 1. P. 49–65. \ \ Leoni F. Dissolution and Enchantment on Erwin Straus' Phenomenology of Obsession // Revista Latinoamericana de Psicopatologia Fundamental. 2003. Vol. 6. № 3. P. 83–93. \ \ Barbaras R. Affectivity and Movement: The Sense of Sensing in Erwin Straus / Trans. E. A. Behnke // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2004. № 3. P. 215–228.

⁵⁶ Jessner L, Foy J. L. In Memoriam: Erwin W. Straus, 1891–1975 // American Journal of Psychiatry. 1975. Vol. 132. № 11. P. 1218. \ \ Pellegrino E. D. Spicker S. F. «Back to the Origins»: Erwin Straus – Philosopher of \ \ Medicine, Philosopher in Medicine // The Journal of Medicine and Philosophy. 1984. Vol. 9. № 1. P. 1–5. \ \ Zanner R. M. The Discipline of the «Norm»: A Critical Appreciation of Erwin Straus // Human Studies. 2004. № 27. P. 37–50. \ \ Kuhn R. Erwin Straus (1891–1975) // Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheiten. 1975. Bd. 220. № 4. S. 275–280.

⁵⁷ Bossong F. Zu Leben und Werk von Erwin Walter Maximilian Straus (1891–1975). Würzburg: Königshausen amp; Neumann, 1991.

⁵⁸ Rother K. Die anthropologische Psychotherapie bei Victor Emil Freiherr von Gebzattel. Diss. Med. Würzburg, 1996.

⁵⁹ Burkhart S. S. Victor Emil von Gebzattel (1883–1976): Leben und Werk. Diss. Med. Tübingen, 2008.

в данном контексте специальной главы»⁶⁰. В своем исследовании «Антропологически-феноменологическая психиатрия и психотерапия» Т. Пасси рассматривает основные вопросы творчества Гебзаттеля, сравнивая его с наследием Бинсвангера, Минковски и Штрауса⁶¹, Б. Отте выстраивает теологическую перспективу его творчества начиная с античности и предлагает его исключительно христианскую трактовку⁶². Другие работы касаются разработки им философско-религиозных проблем (Ш. Шпрингер; К. П. Кискер⁶³), вопросов философской антропологии (Х. Цеф⁶⁴), психотерапии (К. Белер, К. Ротер; Д. Штольберг, Дж. Вэлай⁶⁵) или реконструируют его синкретическую систему (И. А. Карузо; Х. Телленбах⁶⁶).

В 1995 г. в статье «Виктор Эмиль фон Гебзаттель об отношениях „врач-пациент“» Дж. Вэлай говорит о неизвестности Гебзаттеля англоговорящему миру психиатрии, психологии и философии⁶⁷. Он указывает на тот факт, что на английский язык переведена лишь одна статья – «Мир компульсивного», переведенная, кстати, и на русский – и одно предисловие⁶⁸ (к работе Х. Телленбаха), при этом ни одно руководство по психологии и психиатрии не содержит даже ссылок на сочинения Гебзаттеля. Вэлай предполагает, что, очевидно, идеи Гебзаттеля кажутся нашим современникам устаревшими и излишне идеалистическими. «По отношению к Гебзаттелю, – пишет он, – несправедливо, что в кругу антропологически-ориентированных врачей он является единственным, чьи работы не упоминаются и не переводятся. Целое антропологическое движение, по-видимому, исчезнет в архиве и будет исследоваться лишь несколькими историками медицины и философами, интересующимися такими эзотерическими проблемами, как „сущность человека“ и «цель бытия»⁶⁹. На наш взгляд, пессимистический прогноз Вэлая применим в отношении всех представителей феноменологической психиатрии, ведь, несмотря на кажущееся на первый взгляд обилие литературы, при более пристальном внимании ее объем оказывается не так уж велик, тем более для исследования целого направления, внесшего немалый вклад в развитие различных областей знания.

Экзистенциальный анализ в зарубежной исследовательской среде несколько более популярен, но все имеющиеся монографические работы, касающиеся данной школы, отмечены одной особенностью: как правило, в них рассматриваются или идеи Бинсвангера, или идеи Босса. Размежевание этих двух ветвей сохраняется и в исследовательской литературе. Поэтому монографии, которые были бы посвящены именно экзистенциальному анализу и объединяли идеи Бинсвангера, Босса и их последователей, в настоящий момент отсутствуют.

⁶⁰ Spiegelberg H. Phenomenology in Psychology and Psychiatry... P. 249–259

⁶¹ Passie T. Phänomenologisch-anthropologische Psychiatrie und Psychologie... S. 118–146.

⁶² Otte B. C. Zeit in der Spannung von Werden und Handeln bei Victor Emil Freiherr v. Gebzattel. Zur psychologischen und ethischen Bedeutung von Zeit. Frankfurt a. M.; New York: P. Lang, 1996.

⁶³ Springer S. Zur Theorie der religiösen Erziehung. Darstellung und Analyse der Beiträge von Joachim Illies, Viktor Emil Frankl, Victor Emil von Gebzattel und Wolfhart Pannenberg. Hamburg: Dr. Kovač, 1995. \ Kisker K. P «Gottähnliches Herz». Viktor von Gebzattels Wege zur Person // Zeitschrift für Klinische Psychologie und Psychotherapie. 1976. № 24. S. 292–304.

⁶⁴ Czep H. Anthropologie der Angst bei V. E. von Gebzattel // Fundamenta Psychiatrica. 1999. № 3.

⁶⁵ Bühler K.– E., Rother, K. Die anthropologische Psychotherapie bei Victor Emil Freiherr von Gebzattel // Fundamenta Psychiatrica. 1999. № 1. S. 1–8. \ Stollberg D. Liebe und Sachlichkeit. Seelsorge und Psychotherapie nach V. E. Gebzattel // Deutsches Pfarrerblatt. 1973. № 73. \ Welie J. V. M. Victor Emil von Gebzattel on the Doctor-Patient Relationship // Theoretical Medicine and Bioethics. 1995. Vol. 16. № 1. P. 41–72.

⁶⁶ Caruso I. A. Victor E. Freiherrn von Gebzattel zum 70. Geburtstag // Jahrbuch für Psychologie und Psychotherapie. 1952 / 53. № 1. S. 133–138. \ Tellenbach H. Epilog auf das Leben und den Tod des Freiherrn V. E. von Gebzattel // Der Nervenarzt. 1977. Bd. 48. № 4. S. 181–182.

⁶⁷ Welie J. V. M. Victor Emil von Gebzattel on the Doctor-Patient Relationship... P. 41. Вэлай несколько исправляет эту ситуацию, представляя в том же издании собственный перевод одной из работ Гебзаттеля: Gebzattel V. E. von. The Meaning of Medical Practice / Trans. J. V. M. Welie // Theoretical Medicine. 1995. Vol. 16. P. 59–72.

⁶⁸ Tellenbach H. Melancholy: History of the Problem, Endogeneity, Typology, Pathogenesis, Clinical Considerations / Foreword by V von Gebzattel / Trans. E. Eng. Pittsburg: Duquesne University Press, 1980.

⁶⁹ Welie J. V. M. Victor Emil von Gebzattel on the Doctor-Patient Relationship... P. 55.

Классическими работами в плане исследования экзистенциального анализа считаются труды президента Международной Федерации Dasein-анализа Гийона Кондрау. Однако все они представляют собой лишь исследование версии, предложенной М. Боссом, и не касаются идей Бинсвангера и других представителей экзистенциального анализа. Уже в своей первой монографической работе «Dasein-аналитическая терапия»⁷⁰ Кондрау дает краткий обзор развития феноменологически ориентированной психотерапии и на материале конкретных примеров из собственной клинической практики показывает особенности экзистенциального анализа по сравнению с психоанализом. В монографии «Dasein-анализ Медарда Босса и его значение для психиатрии»⁷¹ Кондрау резюмирует основные положения Dasein-анализа и обсуждает продуктивность их применения в психотерапии неврозов, психозов и психосоматических заболеваний.

Особого внимания заслуживают последние работы Кондрау «Dasein-анализ: Философско-антропологический фундамент. Значение языка. Исследование психотерапии с Dasein-аналитической точки зрения» (1998⁷²) и «Влияние Мартина Хайдеггера на психотерапию» (1998). В монографии «Dasein-анализ: Философско-антропологический фундамент. Значение языка. Исследование психотерапии с Dasein-аналитической точки зрения»⁷³ автор стремится очертить оригинальный смысл термина «Dasein-анализ» и с этой целью обращается к подробному анализу работ Хайдеггера. Затем следует такая же подробная глава о Боссе, включающая его биографию и основные идеи. Во втором разделе работы, посвященном языку, Кондрау рассматривает эту проблему в свете фундаментальной онтологии Хайдеггера, а также исследует ряд понятий психоанализа, стремясь совместить их с Dasein-аналитическими. В третьей части работы указываются возможности применения Dasein-анализа в психотерапии. В монографии «Влияние Мартина Хайдеггера на психотерапию»⁷⁴ он представляет новые результаты, а также пересмотренное и дополненное исследование основных принципов и методологии Dasein-анализа. В каждой главе анализируются примеры из клинического опыта автора. В целом же работа построена по традиционному для Кондрау плану.

Несмотря на то, что исследования Кондрау считаются классическими в данной области, необходимо учитывать два момента. Во-первых, они, как мы уже отмечали, освещают лишь одну ветвь экзистенциального анализа – Dasein-анализ Босса – и выполнены в одном стиле. Во-вторых, поскольку сам автор является психиатром с огромным опытом психотерапевтической практики, ориентация этих работ скорее практическая, нежели теоретическая. Основная цель Кондрау – показать, что философские идеи Хайдеггера могут быть успешно применены в психиатрической клинике.

Среди других монографий, посвященных Dasein-анализу, следует отметить работу А. Хольцхи-Кунц, пытающуюся совместить медицинскую и философскую сторону Dasein-анализа⁷⁵. Есть работы, касающиеся какого-либо отдельного аспекта этой ветви или преподносящие ее в специфическом ракурсе: Л. Рием⁷⁶ изучает вопросы исторической эволюции Dasein-анализа, П. – Ф. Цили исследует проблему аутизма и бредовых состояний у Бинсвангера,

⁷⁰ Condrau G. Daseinsanalytische Psychotherapie. Bern: H. Huber, 1963.

⁷¹ Condrau G. Die Daseinsanalyse von Medard Boss und ihre Bedeutung für die Psychiatrie. Bern / Stuttgart: H. Huber, 1965.

⁷² Книга представляет собой доработанное и значительно расширенное переиздание одноименной работы 1989 г.

⁷³ Condrau G. Daseinsanalyse: Philosophisch-anthropologische Grundlagen. Die Bedeutung der Sprache. Psychotherapieforschung aus daseinsanalytischer Sicht. Dettelbach: J. Rull, 1988.

⁷⁴ Condrau G. Martin Heidegger's Impact on Psychotherapy. New York; Vienna: Edition Mosaic, 1998.

⁷⁵ Holzhey-Kunz A. Leiden am Dasein. Die Daseinsanalyse und die Aufgabe einer. Hermeneutik psychopathologischer Phänomene. Wien: Passagen, 2001.

⁷⁶ Riem L. Das daseinsanalytische Verständnis in der Medizin: von seinem Beginn bei Ludwig Binswanger bis zur Gründung des «Daseinsanalytischen Institutes für Psychotherapie und Psychosomatik (Medard Boss Stiftung)» in Zürich. Herzogenrath: Murken-Altrogge, 1987.

Бланкенбурга и Босса⁷⁷, своеобразное философское введение в Dasein-анализ предлагает Х. Хельтинг⁷⁸, связать экзистенциальный анализ с гуманистической психологией пытается А. Вотруба⁷⁹. В. Крукер исследует Dasein-анализ в свете понимания развития ребенка⁸⁰, педагогический аспект Dasein-анализа актуализует в своей работе и В. Гампер-Мессарец.

Кроме уже отмеченных работ Кондрау среди исследований, рассматривающих творчество Босса, можно отметить и другие: М. И. Гётте касается психоаналитических и Dasein-аналитических аспектов теории шизофрении⁸¹, Л. Шлегель⁸², исследуя пространство невротизма, сопоставляет идеи Босса с идеями Фрейда и Юнга. Проработку проблемы языка у Босса и Б. Ворфа исследует П. Мюллер-Лохер⁸³, сравнительный анализ толкования сновидений в глубинной психологии и Dasein-анализе представляет работа Ф. Зоблера⁸⁴, Э. Струк рассматривает теорию и практику этих направлений⁸⁵. Э. Рифлер исследует в свете Dasein-анализа существование человека⁸⁶, П. Багуз изучает проблемы современной медицины в свете феноменологии Хайдеггера⁸⁷, Г. Макентун сравнивает системы Фрейда, Адлера и Босса⁸⁸, Г. Беккер рассматривает основные проблемы Dasein-анализа Босса в свете практической медицины⁸⁹.

Л. Бинсвангер – единственный из феноменологических психиатров и экзистенциальных аналитиков, чье творчество осмыслено в философском ключе. Классической здесь является монография редактора собрания сочинений Бинсвангера М. Херцога, представляющая феноменологическую теорию Бинсвангера как проект переосмысления оснований психиатрии исходя из психоанализа, феноменологии Гуссерля и Хайдеггера⁹⁰. В том же русле написана более ранняя работа Х. – П. Кринена, представляющая историю и критический анализ экзистенциально-онтологического проекта Бинсвангера⁹¹. М. Шмидт посвящает свое замечательное исследование феномену любви и трансценденции – тому аспекту творчества Бинсвангера, который исследователи часто обходят своим вниманием⁹². Х. Феттер касается проблемы психического⁹³, Х. Хеккинг в своей диссертации обсуждает возможность применения модели

⁷⁷ Cilly P.– F., von. *Autismus und Wahn bei Binswanger, Blankenburg und Boss*. Zürich: Juris Druck und Verlag, 1979.

⁷⁸ Helting H. *Einführung in die philosophischen Dimensionen der psychotherapeutischen Daseinsanalyse*. Aachen: Shaker, 1999.

⁷⁹ Wotruba A. *Daseinsanalyse und Klientbezogene Therapie ein Versuch zur Gliederung der humanistischen Psychologie als experientell eksistenziale Analyse*. Diss. med. Zürich: A. Wohlgemuth, 1978.

⁸⁰ Krucker W. *Die Bedeutung der Daseinsanalyse für das Verständnis der kindlichen Entwicklung*. Zürich: ADAG, 1983.

⁸¹ Götte M. I. *Psychoanalytische und daseinsanalytische Perspektiven der Schizophrenie und ihrer Behandlung*. Med. Diss. Zürich: Juris Druck und Verlag, 1976.

⁸² Schlegel L. *Neurose als Abwehr*. Tübingen: A. Francke, 1985.

⁸³ Müller-Locher P. *Sprache und Dasein: ein Beitrag zur Sprachpsychologie anhand der Schriften von Benjamin Whorf und Medard Boss*. Zürich: Juris Druck und Verlag, 1977.

⁸⁴ Zobler F. *Daseinsanalytische und tiefenpsychologische Aspekte des Traums*. Zürich: Verlag Zentralstelle der Studentenschaft, 1993.

⁸⁵ Struck E. *Der Traum in Theorie und therapeutischer Praxis von Psychoanalyse und Daseinsanalyse*. Weinheim: Dt. Studien-Verlag, 1992.

⁸⁶ Riefler E. *Menschliche Existenz und Grundbedürfnisse in Extremsituationen: eine phänomenologische Untersuchung und Daseinsanalyse menschlicher Existenz unter Berücksichtigung einzelwissenschaftlicher Aspekte*. Frankfurt a. M.: R. G. Fischer, 1989.

⁸⁷ Bagus P. *Phänomenologie psychosomatischer Erkrankungen bei Medard Boss im Kontext der Medizingeschichte*. Med. Diss. Düsseldorf, 1993.

⁸⁸ Mackenthun G. *Widerstand und Verdrängung*. Berlin: Verlag für Tiefenpsychologie, 1997.

⁸⁹ Becker G. *Philosophische Probleme der Daseinsanalyse von Medard Boss und ihre praktische Anwendung*. Bochum Univ. Diss. 1996. Marburg: Tectum, 1997.

⁹⁰ Herzog M. *Weltentwürfe: Ludwig Binswangers phänomenologische Psychologie*. Berlin; New York: W. de Gruyter, 1994.

⁹¹ Krienen H.– P. *Ludwig Binswangers Versuch einer existenzontologischen Grundlegung des psychopathologischen Daseins: Geschichte und aktuelle Situation*. Frankfurt a. M.: P. Lang, 1982.

⁹² Schmidt M. *Ekstatische Transzendenz: Ludwig Binswangers Phänomenologie der Liebe und die Aufdeckung der sozialontologischen Defizite in Heideggers «Sein und Zeit»*. Würzburg: Königshausen amp; Neumann, 2005.

⁹³ Vetter H. *Die Konzeption des Psychischen im Werk Ludwig Binswangers*. Bern; New York: P. Lang, 1990.

экзистенциального анализа на практике⁹⁴. Среди англоязычных работ следует выделить монографию Б. Сейдмана «В отсутствие творения: Экзистенциальная психиатрия Людвига Бинсвангера»⁹⁵, явившуюся первым монографическим исследованием жизни и творчества Бинсвангера на английском языке, а также книгу Р. Фрая, в свете проблемы интерсубъективности сопоставляющего идеи Бинсвангера с идеями Ж. – П. Сартра, Ж. Лакана и Ю. Хабермаса⁹⁶. Имеются монографии и диссертации о Бинсвангере и на французском, испанском, итальянском и др. языках⁹⁷. Различных аспектов творчества основателя экзистенциального анализа касаются и статьи⁹⁸.

Одной из самых примечательных и действительно философских работ о творчестве Бинсвангера является диссертация С. Ланзони «Мост между феноменологией и клиникой: „Наука субъективности“ Людвига Бинсвангера». Автор рассматривает теоретическую систему Бинсвангера как гибридную науку, возникшую на пересечении теоретической феноменологии и психиатрической клиники, которая исследует «исторический момент, в который определенные научные и философские аспекты проблемы „человека“ слились и развились в гибридный подход»⁹⁹, который автор называет *наукой субъективности*. Этот подход включает, на взгляд Ланзони, как в движение возвращения к субъективности, объединяющее Brentano, Гуссерля, Дильтея, так и в бунт против позитивизма, против механистического подхода в естественных науках и возвращение к принципам романтической науки¹⁰⁰. В реализации этого подхода Бинсвангер одновременно стремился пролить свет на феномены психопатологического опыта и прояснить универсальные структуры человеческого существования. Ланзони пишет: «Бинсвангер фактически предпринял попытку своеобразного философско-научного синтеза: твердо укорененный в клинической практике, он обратился к философии, в частности, к феноменологии, чтобы отыскать новый, жизненно важный для психиатрии фундамент. Следовательно, это была лишь одна из множества подобных попыток в тот период выделения психиатрического понимания человека с помощью и в свете философии»¹⁰¹. Среди других таких попыток Ланзони называет творчество К. Ясперса, Ф. Фишера, Э. Штрауса, К. Шнайдера, К. фон Монакова, Э. Блейлера, К. Гольдштейна и др.

Творчество непосредственных последователей феноменологических психиатров и экзистенциальных аналитиков исследовано в разной степени и в основном на родных языках. Единичные статьи касаются творчества швейцарских последователей Бинсвангера, исключе-

⁹⁴ Hekking Ch. F. Die Daseinsanalyse Ludwig Binswangers: Voraussetzungen eines Denkmodells und seine Tauglichkeit als therapeutisches Instrument. Diss. med. Freiburg, 1986.

⁹⁵ Seidman B. Absent at the Creation: The Existential Psychiatry of Ludwig Binswanger. New York: Libra Publishers, 1983.

⁹⁶ Frie R. Subjectivity and Intersubjectivity in Modern Philosophy and Psychoanalysis: A Study of Sartre, Binswanger, Lacan and Habermas. Lanham: Rowman and Littlefield Publishers Inc, 1997.

⁹⁷ Cargnello D. Dal naturalismo psicoanalitico alla fenomenologia antropologica della Daseinsanalyse: da Freud a Binswanger. Roma: Istituto di Studi Filosofici, 1961; Cammarota P. L. Binswanger o dalla società eversiva alla società pacifica. Roma: Bulzoni, 1977; Costa A. Binswanger: il mondo come progetto. Roma: Studium, 1987; Lombardo G. P. Binswanger e Freud: malattia mentale e teoria della personalità. Torino: Boringhieri, 1984; Totoyan Y. Apport de la phénoménologie transcendante à la compréhension des psychoses: A propos de «mélancolie et manie» de Ludwig Binswanger. Med. Diss. Marseille, 1983; Basso E. Michel Foucault e la Daseinsanalyse: Un'indagine metodologica. Milano: Mimesis, 2007.

⁹⁸ Edelheit H. Binswanger and Freud // Psychoanalytic Quarterly. 1967. Vol. 36. P. 85–90; Kuhn R. Daseinsanalyse und Psychiatrie // Psychiatrie der Gegenwart / Hrsg. H. W. Gruhle. Berlin: Springer, 1963. Bd. I/II. S. 853–902; Cargnello D. From Psychoanalytic Naturalism to Phenomenological Anthropology (Daseinsanalyse): From Freud to Binswanger // The Human Context. 1968–69. № 1. P. 421–435; Blauner J. Existential Analysis: L. Binswanger's Daseinsanalyse // The Psychoanalytic Review. 1957. Vol. 44. № 1. P. 51–64.

⁹⁹ Lanzoni S. Bridging Phenomenology and the Clinic: Ludwig Binswanger's «Science of Subjectivity». Diss. Philos. Harvard University, 1991. P. IV. Эту точку зрения поддерживает и Н. Акавиа, называя двойственность и гибридность позиции Бинсвангера одной из причин неудачи в лечении Эллен Вест (Akavia N. Writing «The Case of Ellen West»: Clinical Knowledge and Historical Representation // Science in Context. 2008. Vol. 21. № 1. P. 119–144).

¹⁰⁰ Lanzoni S. Bridging Phenomenology and the Clinic: Ludwig Binswanger's «Science of Subjectivity»... P. 4–5.

¹⁰¹ Ibid. P. 7.

ние здесь составляют диссертационные исследования, посвященные жизни и творчеству Ю. Цутта¹⁰², А. Шторха¹⁰³ и В. Бланкенбурга¹⁰⁴. Такова же степень изученности и голландской феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа. Работы французских, испанских, бельгийских и британских последователей феноменологических психиатров и экзистенциальных аналитиков можно назвать лишь относительно исследованными.

В отечественной научной литературе феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ, по большому счету, не исследованы: нет ни одной статьи, касающейся специфики феноменологической психиатрии, последняя как движение совершенно неизвестна в России. Единственным исключением является К. Ясперс, психопатологическому периоду творчества которого посвящено несколько статей или частей монографий (А. В. Перцев; А. М. Руткевич; Я. Ф. Малкова; А. В. Водолагин; А. А. Ткаченко; Ю. С. Савенко¹⁰⁵). Но, несмотря на популярность этой фигуры, нет ни одной работы, в которой философская психопатология Ясперса была хотя бы последовательно реконструирована.

Ситуация с экзистенциальным анализом кажется более обнадеживающей, но это только на первый взгляд. В России выходит журнал «Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия», который призван освещать «проблемы анализа экзистенции и становления экзистенциальной психологии, психотерапии и консультирования как философского праксиса»¹⁰⁶. Поскольку журнал учрежден Ассоциацией экзистенциального консультирования и является официальным органом Восточно-Европейской ассоциации экзистенциальной терапии, направленность его публикаций в абсолютном большинстве психологическая, они ничего не дают для философского анализа рассматриваемой нами проблемы.

Несколько статей, представляющих эту школу в клиническом ракурсе, вышло в 1950–1970 гг. в «Журнале невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова» (В. М. Морозов, Э. Я. Штернберг, М. С. Роговин). Изданием, заслуживающим внимания, является коллективный сборник «Dasein-анализ в философии и психологии»¹⁰⁷. Большая доля работ (А. В. Лаврухин; Г. М. Кучинский; С. Маечек; В. А. Поликарпов), которые в нем представлены, касается философских оснований экзистенциального анализа, а точнее, реконструирует и анализирует идеи представителей феноменологической философии, главным образом, Гуссерля и Хайдеггера. Среди других работ следует упомянуть статьи или главы монографий В. М. Лейбина, О. В. Никифорова, Е. А. Ромек, А. В. Улановского; кандидатскую диссертацию по психологическим наукам В. В. Летуновского¹⁰⁸. Самой подробной работой, до настоящего времени наиболее полно

¹⁰² Schönknecht P. Die Bedeutung der Verstehenden Anthropologie von Jürg Zutt (1893–1980): für Theorie und Praxis der Psychiatrie. Würzburg: Königshausen amp; Neumann, 1999.

¹⁰³ Grimm M. Alfred Storch (1888–1962): Daseinsanalyse und anthropologische Psychiatrie. Giessen: W Schmitz, 2004.

¹⁰⁴ Dumfarth M. Phänomenologie-Dasein-Dialektik. Zum Kontext der Daseinsanalyse bei Wolfgang Blankenburg. Med. Diss. Institut für Philosophie; Universität Wien, 1994.

¹⁰⁵ Перцев А. В., Черепанова Е. С. Сова Минервы над муравейником (Очерки жизненной философии). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2003. Руткевич А. М. «Понимающая психология» К. Ясперса // История философии. № 1. М.: ИФ РАН, 1997. С. 23–32. \ Малкова Я. Ф. К. Ясперс: Рождение экзистенциализма из духа психиатрии // Рабочие тетради по компаративистике. Вып. 8. Сравнительные исследования в политических и социальных науках / Под ред. Л. А. Вербицкой, В. В. Васильковой, В. В. Козловского, Н. Г. Скворцова. СПб.: Социологическое общество им. М. М. Ковалевского, 2003. С. 53–55. \ Водолагин А. Интеллектуальные искания Карла Ясперса: от психопатологии к метафизике истории // Развитие личности. 2004. № 3. С. 218–228; Водолагин А. В. Психопатология и метафизика воли // Философия и психопатология: научное наследие Карла Ясперса. 4-й Российско-германский симп. РГСУ, 1–3 июня 2005 г. / Под. ред. В. И. Жукова. М.: Изд-во РГСУ, 2006. С. 235–250. Ткаченко А. А. Карл Ясперс и феноменологический поворот в психиатрии // Логос. 1992. № 3. С. 136–145. \ Савенко Ю. С. Уроки Ясперса // Независимый психиатрический журнал. 2003. № 3.

¹⁰⁶ С содержанием журнала можно ознакомиться на его официальном сайте: www.existradi.ru.

¹⁰⁷ Dasein-анализ в философии и психологии / Под ред. Г. М. Кучинского, А. А. Михайлова. Минск: Европейский гуманитарный университет, 2001.

¹⁰⁸ Лейбин В. М. Экзистенциальный психоанализ // Постклассический психоанализ. Энциклопедия. Т. 2. М.: Территория будущего, 2006. С. 235–338. Никифоров О. В. Терапевтическая антропология Людвига Бинсвангера // Логос. 1992. № 3. С. 117–124. \ Ромек Е. А. Субъект или объект. Л. Бинсвангер о дилемме психиатрии // Психотерапия: теоретическое осно-

охватывающей экзистенциальный анализ, является монография А. М. Руткевича «От Фрейда к Хайдеггеру: Критический очерк экзистенциального психоанализа»¹⁰⁹, содержащая два параграфа с рассмотрением экзистенциального анализа Бинсвангера и Dasein-анализа Босса.

Отличительная черта практически всех работ, касающихся экзистенциального анализа, – их психологическая направленность. Она является следствием роста в последние годы популярности такого направления психологии, как гуманистическая или экзистенциальная психология. Действительно, это направление (особенно в США и Великобритании) сформировалось под мощным влиянием феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа, но причислять Бинсвангера, Босса, Ясперса и других (в том случае, если другие имена вообще упоминаются) к его представителям и тем более родоначальникам, по меньшей мере, абсурдно. Психологические работы, привлекающие экзистенциальный анализ, пытаются выдать вторичное за первичное, психологию за психиатрию.

Эта ситуация вскрывает и еще одну примечательную черту. Если пристально посмотреть на те немногие русскоязычные работы, которые в той или иной степени затрагивают экзистенциальный анализ, мы заметим следующее: все они, за исключением монографии А. М. Руткевича «От Фрейда к Хайдеггеру», появились исходя из потребностей практики (психологии, психотерапии), а не теории (философии). И в этом отечественная ситуация в какой-то мере повторяет западную, только на свой лад.

Обзор отечественной исследовательской литературы был бы неполным без указания работ автора настоящей книги. Здесь следует, прежде всего, отметить монографию «Антипсихиатрия: становление и развитие»¹¹⁰, в которой впервые была высказана идея о характерном для XX в. процессе взаимодействия философии и психиатрии, выделены его особенности и даны первые наброски периодизации, а также подробно проанализирована в свете этого процесса антипсихиатрия как междисциплинарный философско-клинический феномен. В монографии «Философские проблемы феноменологической психиатрии»¹¹¹ были реконструированы идеи Ясперса, Гебзаттеля, Минковски, Штрауса, Ван Ден Берга и очерчено проблемное поле феноменологической психиатрии. Процесса взаимодействия философии и психиатрии, а также его особенностей и этапов касалась монография «Философия и психиатрия в XX веке: пути взаимодействия»¹¹², именно в ней был намечен единый вектор развития «феноменологическая психиатрия – экзистенциальный анализ – антипсихиатрия». Следует отметить также и выполненный нами научный перевод первой монографии М. Фуко «Психическая болезнь и личность»¹¹³, в предисловии к которому мы касались обратного влияния единой традиции экзистенциально-феноменологической психиатрии на раннее творчество мыслителя. Наши статьи и предисловия к научным переводам отражают различные этапы работы над настоящей монографией.

В настоящей работе мы попытались собрать воедино всю доступную нам информацию по данной традиции и представить ее целостный философский портрет.

вание и социальное становление. Ростов-н / Д: Изд-во Рост. ун-та, 2002. С. 81–93. \ Улановский А. М. Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 1. С. 137–141. Летунский В. В. Экзистенциальный анализ в психологии: история, теория, практика. Дисс... канд. психол. наук. М., 2001.

¹⁰⁹ Руткевич А. М. От Фрейда к Хайдеггеру: Критический очерк экзистенциального психоанализа. М.: Политиздат, 1985. Глава 3 «От психоанализа к „экзистенциальному анализу“» (Там же. С. 72–104). \ Глава 5, параграф 1 «Экзистенциальный анализ М. Босса» (Там же. С. 144–160).

¹¹⁰ Власова О. А. Антипсихиатрия: становление и развитие. М.: Изд-во РГСУ «Союз», 2006.

¹¹¹ Власова О. А. Философские проблемы феноменологической психиатрии. Курск: Курск. гос. ун-т, 2007.

¹¹² Власова О. А. Философия и психиатрия в XX веке: пути взаимодействия. Москва; Нью-Йорк; Санкт-Петербург: Northern Cross Publishing, 2008.

¹¹³ Фуко М. Психическая болезнь и личность / Пер. с франц., предисл. и коммент. о. А. Власовой. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2009.

Поскольку настоящая работа представляет совершенно новый для отечественной научной традиции материал, поэтому наравне с аналитической мы избираем текстологическую стратегию его рассмотрения, стремясь сохранить аутентичность текстов, подходя к ним как можно ближе, часто сохраняя последовательность и структуру развертывающейся в них идеи¹¹⁴. Без такой текстологической стратегии раскрываемая нами тема утратила бы свое содержание, за многочисленными отсылками наша работа потеряла бы свой предмет, ориентируясь мы лишь на анализ и сопоставление. Необходимо учитывать, что большинство сочинений феноменологических психиатров и экзистенциальных аналитиков не переведено на русский язык, и поэтому мы вынуждены сначала рассказать, представить и разъяснить, а уже потом сопоставить, проанализировать и включить в контекст. Ведь невозможно сравнивать Минковски, Гебзаттеля и Штрауса с Гуссерлем, Шелером и Хайдеггером, если на русский язык переведено лишь по одной маленькой статье этих авторов. И тем более невозможно проделывать тоже самое с Боссом, Ван Ден Бергом, Рюмке, Цуттом, Бланкенбургом, если их работы в русском переводе отсутствуют, а их имена звучали в русскоязычной научной литературе в лучшем случае пару-тройку раз. В данной работе мы воссоздаем целостную традицию феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа и своей основной задачей видим контекстуализацию этой традиции в философии XX в.

Рассмотрение феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа как следствия междисциплинарного, теоретически-практического взаимодействия как раз и дает нам возможность включить эти течения в историко-философский контекст. Имеющиеся на настоящий момент работы по феноменологической психиатрии и экзистенциальному анализу представляют нам, главным образом, описание, даже если оно и является философско-клиническим по своей сути. Они описывают, но не анализируют и не проблематизируют сам философско-клинический статус этих течений, а поэтому и не могут вскрыть их специфику. Поскольку идеи феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа развиваются психиатрами, дисциплинарное пространство психиатрии для них является родным, чего о философии мы сказать не можем. Для того чтобы включить эти течения в философский дискурс необходимо проблематизировать их философско-клинический статус, и в этом отношении выбранная нами в настоящей работе линия анализа кажется наиболее адекватной. Анализ метаонтики феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа с обозначением приоритетности проблемы опыта как раз и будет способствовать установлению ее теоретического своеобразия и подарит новый – историко-философский – ракурс рассмотрения.

¹¹⁴ Э. Целлер в своей статье «История философии, ее цели и задачи» пишет: «История философии, как и всякая история, имеет двойную задачу. Происходящее она должна изложить, а также она должна его объяснить, выясняя его причины и – через познание этих причин – включая частное в некую объемлющую взаимосвязь» (Zeller E. Die Geschichte der Philosophie, ihre Ziele und Wege // Archiv für Geschichte der Philosophie / Hrsg. V. Ludwig Stein. 1888. № 1. S. 1. Цит. по: Куренной В. Философия и педагогика Пауля Наторпа // Наторп П. Избранные работы / Сост. В. Куренной. М.: Территория будущего, 2006. С. 9–10).

Часть II

На заре традиции: предпосылки, влияния, предвестники

Поскольку феноменологическая психиатрия, а затем и экзистенциальный анализ, не могли сформироваться в вакууме, исходным следует признать вопрос о том интеллектуальном фоне, на котором вообще стало возможно пересечение клинического и философского, и как следствие – вопрос об особенностях этого пересечения. По той причине, что непосредственные и основные влияния всегда окружены насыщенным мировоззренческим пространством, возможно, иногда задающим ориентиры, обращение к этой пред-области поможет нам понять, почему и зачем психиатрия и философия сошлись именно под таким углом.

Глава 1

Философские влияния

Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ уже в самом своем названии несут неизменно возникающую в сознании отсылку к феноменологии. Наиболее простым здесь оказывается следующий вывод: они являются результатом экстенсивного развития феноменологии Гуссерля и фундаментальной онтологии Хайдеггера. Но при более пристальном взгляде оказывается, что не все так просто. «Психиатрическая феноменология имеет более разнообразные источники, чем те, к которым отсылает сам термин»¹¹⁵, – совершенно справедливо отмечает Жорж Шарбонно. Гуссерлианская феноменология подчас останавливается на полпути, а фундаментальная онтология оборачивается иногда своей противоположностью

Разгадка таких необычных трансформаций кроется в самом факте междисциплинарности данных направлений. Само пространство философской психиатрии, всегда содержащее в себе такие противоречивые составляющие, как теория и практика, философия и клиника и т. д., будет выбирать, акцентировать и отбрасывать по своим собственным законам. Иногда они так и останутся для исследователя за порогом понимания. Многие влияния войдут в концептуальную сетку, даже не будучи артикулированы, в отличие от чисто философских течений и направлений их невозможно будет воссоздать «по следам», поскольку «следы» эти, подтаяв под лучами горячего солнца психиатрической практики, уже не будут отсылать к своему референту. Охватить здесь всё – намерение, заранее обреченное на провал. Остается лишь наметить самое основное, решающее и наиболее заметное.

Здесь необходимо сразу же оговорить два момента. Во-первых, специфика самого материала, в отношении которого характеризуются особенности философских влияний, диктует своеобразный ракурс рассмотрения той же феноменологии. В нем не всегда подходящими будут некоторые «программные» заявления философов и центральные моменты их критики, но это тем не менее не означает, что в данной работе они не были учтены. Разумеется, этот анализ не состоялся бы без кропотливого изучения как трудов классиков, так и замечательных критических работ по феноменологии Гуссерля, фундаментальной онтологии Хайдеггера, философской антропологии Шелера, философии жизни и т. д. К тому же необходимо отметить, что в этой главе мы касаемся лишь влияний, общезначимых для всех представителей феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа, оставляя частные влияния для соответствующих глав.

Во-вторых, в какой-то степени в западной и во многом в отечественной исследовательской литературе (как это ни странно при всей ее скудости) сложилась определенная традиция рассмотрения философского подтекста феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа. Как правило, такие работы строятся по одному и тому же плану: обширное изложение опорных пунктов феноменологии Гуссерля и фундаментальной онтологии Хайдеггера без всяких отсылок к механизмам и путям влияний этих положений, затем много меньшее по объему представление (или анализ) идей самих представителей указанных направлений и краткий вывод о влиянии. Можно предположить, что такая ситуация возникла по двум причинам: во-первых, сложности материала исследования, где установление однозначных параллелей между философским и клиническим крайне затруднительно, и во-вторых, для англоязычных, франкоязычных и русскоязычных ученых – из-за отсутствия переводов и крайней скудости самого материала. Ведь в последнем случае Хайдеггер и Гуссерль всегда под рукой.

¹¹⁵ Charbonneau G. Anthropologie phénoménologie et phénoménologie psychiatrique: Crise du maintien de soi et crise du maintien de l'unité de l'expérience // Phénoménologie et psychanalyse: Étranges relations. P.: PUF. P. 111.

Мы попытаемся построить наш анализ по-другому. В какой-то мере в этой главе мы, конечно, забегаем вперед, так как обсуждаем те влияния, конкретные примеры которых будут обозначены лишь при рассмотрении идей отдельных представителей, но всякая другая стратегия кажется нам здесь еще менее уместной. Мы последуем за той конкретностью, о которой так любили говорить персонажи нашего повествования, не будем заходить издалека: Гуссерль, Хайдеггер, Шелер и другие интересуют нас только применительно к феноменологической психиатрии и экзистенциальному анализу.

§ 1. Методологические споры: естествознание, философия, науки о духе

Развитие философии в конце XIX– начале XX в. привело к утверждению о том, что человеческие проявления – чувства, поведение, культура – не могут (и не должны) быть исследованы с позиции естественных наук, что здесь требуется иная методология, и что само естествознание, изучающее физический аспект человеческого поведения и окружающего человека мира, в этой новой парадигме нуждается во взаимодействии с философией. Естественные науки стали отделять от гуманитарных, говоря о том, что в основе их отличия лежат разные предметные области, разная методология. Заговорили о специфических методах естественных и гуманитарных наук, были введены в оборот понятия понимания и объяснения. В этой ситуации психиатрия, разумеется, осмысляла себя как науку с особым статусом. С одной стороны, она, входя в область медицинского знания и клинической практики, несомненно, была наукой естественной, но с другой стороны, ее основным предметом была психика человека, пусть даже и поврежденная патологическим процессом. Закономерно, что обращение к упоминаемым методологическим спорам, а также осмысление и противопоставление понимания и объяснения как методологических процедур должно было оказаться для психиатрии весьма продуктивным.

Само противопоставление понимания и объяснения в гуманитарных науках восходит к историку Иоганну Густаву Дройзену, который во второй половине XIX в. впервые использовал понятие «понимание» и считал его наиболее подходящим для исторических наук. «Человек, – писал он, – становится тем, кто он есть... только посредством понимания других и будучи понятым другими»¹¹⁶. Но трактовка Дройзена была еще чрезвычайно узка и требовала методологической разработки, которую и проделал В. Дильтей.

Основная область исследования Дильтея – науки о духе, общей чертой которых является отношение к жизни, к человеку и его переживанию. Они отличаются от естественных как по предмету, так и по категориям, статусу реальности, объективности знания и т. д. Науки о духе находятся во внутренней взаимосвязи с жизнью и жизненным опытом, а их основанием выступает осознание психического состояния, а затем его повторное обнаружение в переживании, т. е. знаменитая дильтеевская триада «переживание – выражение – понимание». Само переживание при этом тесным образом связывается Дильтеем со временем, и эта связь есть следствие наполненности временем самой жизни. «Переживание, – пишет он, – это протекающий во времени поток, где каждое состояние до того, как оно станет отчетливо выделяющимся предметом, изменяется, потому что каждое последующее мгновение, не будучи еще схвачен-

¹¹⁶ Droysen J. G. Grundriß der Historik. Leipzig: Veit, 1868. S. 10 (Цит. по: Frommer J., Frommer S., Langenbach M. Max Weber's Influence on the Concept of Comprehension in Psychiatry // History of Psychiatry. 2000. Vol. 11. № 44. P. 353). Об этом см. также: Balmer H. Objektive Psychologie – Verstehende Psychologie. Perspektiven einer Kontroverse / Hrsg. H. Balmer // Die Psychologie des 20. Jahrhunderts. Bd. 1: Die europäische Tradition. Tendenzen – Schulen – Entwicklungslinien. Zürich: Kindler, 1976. S. 117–155.

ным, превращается в прошлое»¹¹⁷. При этом сам поток времени переживаться не может, переживаться нами могут лишь изменения.

Материал наук о духе – литература, искусство, наука, все те проявления жизни, посредством проникновения в которые можно исследовать всеобъемлющие структурные взаимосвязи. Особое внимание Дильтей уделяет биографии и автобиографии, которые, по его мнению, есть лучший материал для понимания жизни. Таким пониманием биографии впоследствии займется Ясперс, а после него Минковски, Гебзаттель, Штраус, Бинсвангер, Босс будут трактовать прошлое больного не как историю болезни, а как личную историю, историю-биографию.

В своих работах философ настаивает на необходимости отказа гуманитарных наук от объяснительной психологии. По его мнению, она основывается на системе причинных связей и поэтому представляет душевный мир редуцированно, точно так же, как физика и химия – строение телесного мира. «Под объяснительной наукой, – пишет он, – следует разуметь всякое подчинение какой-либо области явлений причинной связи при посредстве ограниченного числа однозначно определяемых элементов (т. е. составных частей связи)»¹¹⁸. В основе такой психологии лежит убежденность в возможности достижения истинного познания душевных явлений посредством четких гипотез и однозначных связей, т. е. путем простого перенесения найденных естествознанием методов в область гуманитарных наук. Однако, как он справедливо указывает, гуманитарные науки отличаются от естественных. Первейшим их отличием выступает то, что в естественных науках факты даются посредством органов чувств как единичные феномены, науки же о духе получают их «изнутри самого человека» как целостную и живую связь. Последние, так или иначе, имеют дело с внутренним опытом, переживаемым комплексом психических явлений.

Основанием наук о духе Дильтей считает психологию. Именно она стоит за любым гуманитарным исследованием, вне зависимости от того, относится ли оно к истории, социологии, экономике, праву или истории религии. Конечным объектом познания, как отмечает исследователь, в любой из этих наук выступает человек в целостности и непрерывности психической жизни. Науки о духе охватывают все психические силы, все формы психики от самых высших до самых низших. Поэтому именно описательная и расчленяющая, а не объяснительная психология, на его взгляд, должна занять центральное место в науках о духе, «ибо психология эта исходит из переживаемых связей, данных первично и с непосредственной мощью; она же изображает в неизуродованном виде и то, что еще недоступно расчленению», «она будет основанием наук о духе, подобно тому как математика – основа естествознания»¹¹⁹.

Какой же должна быть эта описательная психология? «Под описательной психологией, – указывает философ, – я разумею изображение единообразно проявляющихся во всякой развитой душевной жизни составных частей и связей, объединяющихся в одну единую связь, которая не примышляется и не выводится, а переживается. Таким образом, этого рода психология представляет собой описание и анализ связи, которая дана нам изначально и всегда в виде самой жизни»¹²⁰. Любые связи, к которым в процессе своего исследования обращается описательная психология, однозначно удостоверяются внутренним восприятием и отражаются в более общей, объемлющей их связи. Только такая описательная психология полезна историкам, экономистам, политикам и теологам.

В своем исследовании описательная психология, по Дильтею, использует входящие в наблюдение операции сравнения, различения, измерения степеней, разделения и связывания,

¹¹⁷ Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе / Пер. с нем. под ред. В. А. Куренного // Дильтей В. Собр. соч. в 6 т. / Под ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова. Т. 3. М.: Три квадрата, 2003. С. 242–243.

¹¹⁸ Дильтей В. Описательная психология. М.: Современный гуманитарный университет, ООО «МБА-Сервис», 2001. С. 5.

¹¹⁹ Там же. С. 22, 73.

¹²⁰ Там же. С. 20–21.

абстрагирования, соединения частей в целое, выведения единообразных отношений из единичных случаев, расчленения из единичных процессов, классификации. Дильтей разделяет дескриптивную психологию на несколько частей¹²¹. Ее общая часть описывает, дает номенклатуру, т. е. работает над согласованием психологической терминологии в будущем. Кроме того, она выделяет структурную связь развитой душевной жизни, ищет структурный закон, исходя из которого интеллект, побуждения, чувства и воля связываются в расчлененные целостности душевной жизни. В последующем предполагается постижение связи душевной жизни с ее жизненными условиями, а затем изучение воздействия приобретенной связи душевной жизни на каждый отдельный акт сознания. Похожую процедуру исследования мы обнаружим у Ясперса.

Основная процедура описательной психологии – понимание – вскрывает совокупность того, что открывается человеку в переживании, т. е. охватывающую весь человеческий род жизнь как взаимосвязь. «Жизнь, – как подчеркивает Дильтей, – постигает здесь жизнь...»¹²². Понимание преодолевает ограниченность единичным, индивидуальным переживанием и распространяется через общее к всеобщему. При этом сфера наук о духе простирается настолько, насколько простирается понимание, поскольку «дух понимает то, что создал сам»¹²³. Возможность обращения к всеобщему связана, по Дильтею, с особенностями самой жизни, представляющей собой структурную взаимосвязь. Понимание предполагает перенесение-себя-на-место-другого, повторное переживание в своем собственном «я» когда-то испытанного другим. Оно сопряжено с истолкованием как пониманием устойчивых фиксированных проявлений жизни и формой своей имеет индукцию как выведение из единичностей определяющей целое взаимосвязи.

Еще одной важной частью описательной психологии и основанием наук о духе мыслитель называет учение о структуре. Он, по его собственным заверениям, обращается не к *a priori* теоретического рассудка или практического разума, а к структурным отношениям, содержащимся в психической взаимосвязи. Психическая структура здесь – это «порядок, согласно которому в развитой душевной жизни психические факты разного рода закономерно связываются друг с другом посредством внутренне переживаемого отношения»¹²⁴. Каждый факт есть часть структурной взаимосвязи. Первая форма структуры при этом – «внутреннее отношение различных сторон одного действия», вторая – внутреннее отношение, связывающее внешнеположенные друг другу переживания в пределах одного действия, третья – внутреннее отношение разновидностей действия друг к другу в пределах психической взаимосвязи¹²⁵. Сама возможность структурного анализа основана на том, что переживание есть структурное сопряжение своих частей, оно включает в себя свое собственное содержание, акты восприятия, чувства, воления, а также само «я», которое его испытывает.

В пространстве переживания, исследуемом с помощью анализа структуры, по Дильтею, любой факт сознания дан как реальность, если в основе его лежит адекватное соответствие переживанию, а переживание всегда достоверно. Он отмечает: «Шорох, относимый больным, пребывающим в лихорадке, к предмету за его спиной, образует переживание, которое во всех своих частях – в наличии шороха и в отнесении его к предмету – является реальным. И этой реальности факта сознания совершенно не отменяет то, что предположение относительно

¹²¹ Там же. С. 52–55.

¹²² Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе... С. 181. Проявлениями жизни Дильтей называет понятия, суждения, и более сложные образования мысли; поступки; выражения переживаний. Там же. С. 253–254.

¹²³ Там же. С. 194. В отличие от Вебера, Дильтей не видит границ пониманию. «...Понимание становится интеллектуальным процессом наивысшего напряжения, который никогда целиком не может быть реализован», – подчеркивает он. Там же. С. 276.

¹²⁴ Там же. С. 56.

¹²⁵ Там же. С. 54.

предмета, находящегося за кроватью больного, является ложным»¹²⁶. Это положение о реальности переживания, прозвучавшее в унисон с таковым в «Логических исследованиях» Гуссерля, не могло ни сыскать симпатий психиатров.

Двойственная направленность ранней феноменологической психиатрии, хорошо заметная, например, в разработках Ясперса, отчетливо предстает именно у Дильтея. В работе 1900 г. «Возникновение герменевтики» он отмечает, что анализ внутреннего опыта необходимо дополнять анализом «разумения» объективированных форм языковых выражений¹²⁷. В «Очерках по основоположению наук о духе», говоря о субъективно-имманентном телеологическом характере психической структурной взаимосвязи, он пишет: «В рамках предметного постижения как основополагающего предметного действия этот характер психической жизни, определяющий включение в ее структуру целевой устремленности, проявляет себя в двух основных формах постижения – постижения переживаний и внешних предметов, – равно как и в последовательности форм репрезентации»¹²⁸. На основании этого мыслитель заключает, что если переживание реально, то и любая часть данного переживания также реальна.

Но здесь необходимо отметить, что с теоретической системой Дильтея в пространстве психиатрии произошли трансформации, подобные тем, что случились с феноменологией Гуссерля и онтологией Хайдеггера. Фактически его наработки были перенесены в совершенно иную область применения. При этом некоторые концепты, например, «комплекс воздействий», «жизненный опыт» и т. д., были просто-напросто отброшены. При переходе через дисциплинарную границу психиатрии была изменена специфика описательной психологии и структурного анализа, а также оставлен без внимания тот момент учения философа, который касается объективного духа. Само понятие наук о духе при этом стало синонимичным понятию наук о человеке. Таким образом, здесь заметен онтологически-онтический переход, который еще не раз встретится при анализе других предпосылок и влияний.

Здесь есть и еще один момент. Понимание, по Дильтею, предполагало вживание в мир собеседника¹²⁹ и после этого фактически исследование уже не его, а своих переживаний (т. е. его переживаний внутри своего «я»), что для психиатрии было неприемлемым¹³⁰. Поэтому здесь вполне логичным выглядело высказывание Ясперса о том, что больные шизофренией непонятны ему так же, как птицы в его саду. Действительно, как можно понять шизофреника? Его мир ведь невозможно поместить в свое «я». Ясперс просто четко следовал по стопам философа. Тот факт, что Бинсвангер, Минковски, Штраус, Гебзаттель будут допускать понимание психотического больного, указывает не на то, что они расширяют и развивают саму процедуру понимания, а на то, что понимание у них обладает другой спецификой, более того, оно направлено на прояснение совершенно другой, чем у Дильтея, структуры. Триада «переживание – выражение – понимание» сохранится, но приобретет совершенно другой смысл. Немаловажной для феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа стала в свете разработки методологии и понимающая социология Макса Вебера¹³¹. Для Ясперса, например, это влияние оказалось одним из определяющих.

¹²⁶ Там же. С. 68.

¹²⁷ См.: Куренной В. А. Предисловие редактора // Дильтей В. Собр. Соч. в 6 тт. / Под ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова. Т. 3... С. 17.

¹²⁸ Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе... С. 49.

¹²⁹ Дильтей, правда, отмечает, что понимание основано на интересах практической жизни людей: «Они должны взаимно понимать друг друга. Один человек должен знать, чего же хочет другой» (Там же. С. 255). Однако он не намечает четких контуров соприкосновения теории intersubjectивности и теории понимания переживаний.

¹³⁰ «Истолкование, – пишет Дильтей, – было бы невозможным, если бы проявления жизни были целиком чуждыми нам» (Там же. С. 274).

¹³¹ О Вебере см.: Вебер М. Жизнь и творчество Макса Вебера / Пер. с нем. М. И. Левина. М.: РОССПЭН, 2007. Анализ основных идей Вебера см. в: Гайденок П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность: социология М. Вебера и веберовский ренессанс. М.: URSS, 2006; Давыдов Ю. Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология: Актуальные проблемы

Сам Вебер впервые соприкоснулся с психиатрией после смерти отца, когда с 1897 по 1902 г. пережил длительный депрессивный эпизод¹³². В то время он и был гостем психиатрического санатория семьи Бинсвангеров «Бельвью». После пережитой болезни Вебер продолжал интересоваться психологией и психиатрией, параллельно с изучением теории акта и приложения ее к экономике. В этот период он познакомился с учеником В. Вундта Вилли Хеллпахом. За год до их знакомства Хеллпах издал работу «Основные черты психологии истерии», где провел различие между биологическими и психологическими аспектами исследования в психологии. Он утверждал, что основным расстройством истерии является генетически обусловленное усиление реактивности и чувствительности. Они, на его взгляд, поддаются неврологическому исследованию, поэтому он объединил их под термином «продуктивные» нарушения, противопоставив их «реактивным» нарушениям, доступным лишь социальной психологии и социальной «патологии»¹³³. Редактором своей следующей работы «Социальная патология как наука»¹³⁴ он избрал Вебера.

В 1908 г. Вебер выпускает работу «Психофизика индустриального труда»¹³⁵, где обобщает результаты собственного эмпирического исследования выбора профессии и профессиональной адаптации рабочих, проведенного по заказу Общества социальной политики на текстильной фабрике в Вестфалии. В этой работе он выделяет три варианта исследования поведения людей: 1) прагматическая интерпретация в соответствии с сознательными и рациональными соображениями; 2) интерпретация изменений качества труда через экспериментальные исследования изменений в функционировании психофизического аппарата; 3) раскрытие эмоциональных состояний, приводящих к изменению труда. Последний путь, на взгляд мыслителя, является промежуточным между первым и вторым, и отвечает за порой неосознаваемую мотивацию. По отношению к такому объяснению человеческого поведения он использует термин «психологически понятное»¹³⁶.

Само понимание Вебер трактует в несколько ином ключе, чем впоследствии Ясперс. Понимание для Вебера – это познание и интерпретация причинных и мотивационных связей, корреляция которых ведет к определенному действию и не обязательно непосредственно осознается человеком. Наблюдатель же схватывает связь между действием и мотивирующим его состоянием непосредственно. В этом случае он понимает действие как рационально мотивированное. Если непосредственного понимания не происходит, то для обнаружения мотивирующих связей наблюдатель может обратиться к какой-либо эмпирической дисциплине, например, к психопатологии. Так, философ рассматривает истерию, при исследовании которой психология, конечно, не исключительно, но до определенной степени успешно может истолковать поведение¹³⁷. Разделение психологически объяснимого и рационально понятного поведения при этом связано, на взгляд Вебера, с определением границ генетически-детерминированных и контекст-продуцированных психологических процессов¹³⁸.

Вебер разрабатывает проект понимающей социологии, основанной на методе понимания. Он указывает, что внешнее и внутреннее поведение людей обладает связностью и регулярностью. «Только человеческому поведению, – пишет он, – присущи, во всяком случае пол-

веберовского социологического учения. М.: Мартис, 1998.

¹³² См.: Вебер М. Жизнь и творчество Макса Вебера... С. 201–231.

¹³³ Hellpach W. Grundlinien einer Psychologie der Hysterie. Leipzig: Engelmann, 1904.

¹³⁴ Hellpach W. Sozialpathologie als Wissenschaft // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1905. Bd. 21. S. 275–307.

¹³⁵ Weber M. Zur Psychophysik der industriellen Arbeit // Gesammelte Aufsätze zur Soziologie und Sozialpolitik. Tübingen: JCB Mohr, 1988. S. 61–255.

¹³⁶ Ibid. S. 132.

¹³⁷ Weber M. Roscher und Knies und die logischen Probleme der historischen Nationalökonomie // Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen: JCB Mohr, 1988. S. 1–145, 102.

¹³⁸ Weber M. Zur Psychophysik der industriellen Arbeit... S. 244.

ностью, такие связи и регулярность, которые могут быть понятно истолкованы. Полученное посредством истолкования „понимание“ поведения людей содержит специфическую, весьма различную по своей степени качественную „очевидность“»¹³⁹. При этом, по мнению философа, прежде чем принять толкование за «понятное объяснение», понимание всегда необходимо подвергать проверке с помощью обычных каузальных методов.

Мыслитель считает, что понять можно не только целерациональное поведение людей, но также и основанные на аффектах типические процессы и их типические последствия. Специфическим объектом социологического понимания выступает для него действие, т. е. такое *понятное* отношение к объектам, которое имеет или предполагает смысл. Сферой интереса понимающей социологии является поведение, которое 1) по субъективно предполагаемому действующим лицом смыслу соотнесено с поведением других людей; 2) определено этим осмысленным соотнесением; 3) может быть исходя из этого субъективно предполагаемого смысла понятно объяснено. Именно поэтому понимающая социология интересуется не физиологическими или психологическими явлениями, но типами смысловой соотнесенности действия. События, не обладающие субъективной смысловой соотнесенностью, понимающая социология принимает как условия и следствия, на которые ориентируется осмысленное действие.

Важной чертой понимания у Вебера является то, что оно предстает для него не психологической категорией, но частью общезначимой рациональности, поэтому ни в коем случае не субъективно. Это важно помнить при анализе понимания у Ясперса, поскольку при обращении к концепту понимания многие критики упрекают его в субъективизме.

У социологического понимания есть и свои границы. Вебер писал: «„Понятное“ не имеет четких границ для эмпирических дисциплин. Экстаз и мистическое переживание так же, как известные типы психопатических связей или поведение маленьких детей (а также не интересующее нас в данной связи поведение животных), недоступны нашему пониманию и основанному на нем объяснению в такой мере, как другие процессы»¹⁴⁰. Это высказывание указывает на две черты веберовского «понимания». Во-первых, понимание для него имеет границы, но эти границы четко не определены. С одной стороны, постижение «правильного типа» он относит к задачам, превышающим средний уровень понимания. С другой стороны, пониманию недоступны психопатические проявления. Во-вторых, понимание выступает основой объяснения, эти две области пересекаются друг с другом.

Указанные наработки легли в основу методологического базиса феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа, только применить их необходимо было в отношении практически чуждого философии материала – пространства патологических феноменов. В своей истории психиатрия уже имела достаточно успешный опыт адаптации философских идей к клинике, и в данном случае важными оказались опыт совмещения наработок естественных наук и философии, а также проработка проблемы самой возможности такого совмещения.

Такой опыт на тот момент времени уже имелся в рамках математики и физики. Джон Пассмор в своей монографии «Сто лет философии» в примечательной главе «Естествоиспытатели становятся философами» пишет: «...Очень многие традиционные философские проблемы получили широкое обсуждение в контексте физической теории. Физики стали считать, что они вносят квалифицированное знание в споры, которые когда-то отвергались ими как „пустая метафизика“»¹⁴¹.

¹³⁹ Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Западно-европейская социология XIX– начала XX веков. М., 1996. С. 491.

¹⁴⁰ Там же. С. 492.

¹⁴¹ Пассмор Дж. Сто лет философии / Пер. с англ. И. В. Борисовой, Л. Б. Макеевой, А. М. Руткевича. М.: Прогресс-Традиция, 1998. С. 256.

Взаимодействие философии с физикой привело к необходимости постановки вопроса об отношениях естественных наук и философии. Примечательно, что в ответ звучали варианты, чрезвычайно схожие с теми, которые впоследствии будут предлагать представители феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа.

Вопрос о взаимодействии философии и естествознания занимал немалое место в махизме, в частности, в работах самого Э. Маха. Несмотря на совершенно различную исходную направленность махизма и философской психиатрии (в лице феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа), в них обнаруживаются поразительно сходные элементы, являющиеся следствием взаимодействия философии и естествознания. В предисловии к своей работе «Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования» Мах обозначает для себя задачу, подобную таковой в экзистенциально-феноменологической психиатрии. Он пишет: «Прежде всего я поставил себе целью не ввести *новую* философию в естествознание, а удалить из него *старую, отслужившую свою службу...*»¹⁴². Таким образом, мыслитель задумывает своеобразное «философское очищение естественнонаучной методологии», очищение от материализма (совершенно не развивающегося и утвердившегося в естествознании, на его взгляд, сто пятьдесят лет назад).

Мах отмечает, что научное мышление функционирует в двух различных типах: как мышление философа и как мышление специалиста-исследователя. Философ стремится к построению всеобъемлющего знания и поэтому, на его взгляд, не может обойтись без заимствования материала у специалистов. Исследователь занят небольшой областью фактов, но из-за необходимости обобщения и постоянного расширения границ области исследования ему всегда приходится прибегать к заимствованиям у мышления философского. Но, как отмечает Мах, «... то, что философ считает за возможное *начало*, улыбается естествоиспытателю, лишь как очень отдаленный конец его работы»¹⁴³. Эта своеобразная остановка на полпути, как мы увидим, далее будет отмечать и философские идеи феноменологических психиатров и экзистенциальных аналитиков.

По причине коренного различия мышления естественно-научного и философского, как считает Мах, в рамках взаимодействия философии и естествознания можно выработать лишь «отрицательный регулятив» естественнонаучного исследования, т. е. устранить ложные, мешающие естествоиспытателю проблемы для более успешного позитивного исследования.

Фактически феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ будут развивать сходный проект. Следуя цели очищения естественнонаучной методологии, феноменологическая психиатрия предложит удалить из нее «отжившие» элементы и заменить их отдельными фрагментами феноменологии Гуссерля, экзистенциальный анализ в продолжение этого будет пропагандировать радикальное обновление психиатрии. Уже существующая в рамках физики традиция показывала, что такое возможно.

В первые десятилетия XX в. психиатрия продолжит те споры, которые возникали на границе гуманитарных и естественных наук, она будет формулировать их по отношению к другому предмету, наделять их другой спецификой, но в целом этот аспект экзистенциально-феноменологической психиатрии будет являться их последовательным развитием.

§ 2. Интуитивизм Анри Бергсона

Кроме методологических споров в пространстве психиатрии была актуализирована и другая проблематика. Ранее безумие, как известно, считаясь неразумием, оттеснялось за гра-

¹⁴² Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования / Пер. с нем. Г. Котляра под ред. Н. Ланге. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. С. 32.

¹⁴³ Там же. С. 37.

ницу разума и поэтому выводилось за пределы пространства философской рефлексии. В своей лекции в Королевском институте философии Э. Квинтон отмечает, что философы как специалисты в рациональности, о феноменах иррациональности, по всей видимости, могли сказать немногое¹⁴⁴. И только в XX в. в связи с интересом ко всему иррациональному и благодаря обретению им статуса действительного предмета философии безумие смогло привлечь взгляды философов. Одновременно с этим такая «неклассическая» философия стала затрагивать множество проблем, так или иначе связанных с психиатрией, – глубокие иррациональные переживания, самое бытие, связность и разделенность субъекта, объекта и акта познания, особенности ощущений, переживание мира и его воздействие на человека, речь, знак и символ. Все это, как казалось, имело отношение к психопатологии, и обо всем этом психиатрия могла поведать что-то свое.

Философия жизни с ее акцентированием бытия человека как связующего центра науки, культуры, повседневного опыта и т. д. принесла психиатрии трактовку человека как высшей ценности и ядра научного исследования, а также постулирование необходимости обращения к непосредственным феноменам жизни. Вслед за этим философским направлением психиатрия должна была отказаться от классификационного принципа рассмотрения психического заболевания, направить свое внимание к непосредственной связности с миром и в свете такого исследования переосмыслить статус и смысл психического заболевания.

Центральной фигурой, через которую философия жизни проникла в психиатрию, стал Анри Бергсон. Его интуитивизм стал не просто одним из источников развития феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа, но основой формирования одного из вариантов первой – феноменологически-структурного анализа Э. Минковски.

Бергсон четко разделял философию и науку. На его взгляд, наука, действуя в сфере внешнего опыта, способна познать лишь часть реальности, но не может охватить всю реальность и понять целостный феномен жизни и эволюцию. Философия, в свою очередь, действует в пространстве внутреннего опыта и адекватно представляет лишь свою половину реальности. Философия и наука, тем самым, «находятся на одном уровне, они имеют точки соприкосновения и могут в этих точках верифицировать друг друга»¹⁴⁵. При этом каждая из них должна быть точной в своей сфере реальности и опираться на свой собственный метод, пространством же их пересечения, по мнению Бергсона, является конкретный опыт. Примером такого конкретного опыта можно назвать опыт психически больного.

Вдохновленный успехами естественных наук, Бергсон всегда настаивал на необходимости сотрудничества философии и науки. Философия при этом должна помочь науке «порвать с научными привычками», отбросить символы, которыми оперирует анализ, заменить ложную метафизику («естественную метафизику человеческого ума») метафизическим познанием, постигающим реальность жизни. В этом взаимодействии станет возможно создать новые гибкие и текучие понятия, которые будут способны принять форму жизни и посредством которых можно будет познать жизнь во всей ее конкретности и целостности. Фактически тот проект совмещения философии и науки, о котором здесь говорит Бергсон, и попыталась построить экзистенциально-феноменологическая психиатрия.

Развивая свою философскую систему, философ стремился перейти от исследования отдельных психических явлений и изолированных состояний сознания к целостности и единству. В этом своем стремлении он, несомненно, является наследником французского спиритуализма, и это «наследие» впоследствии перенимает у него Э. Минковски.

В «Опыте о непосредственных данных сознания» Бергсон обращается к априорным формам чувственности Канта – пространству и времени. Канту они позволяют достичь феноменов,

¹⁴⁴ См.: Fulford K. W. M. *Mind and Madness: New Directions in the Philosophy of Psychiatry...* P. 5.

¹⁴⁵ Цит. по: Блауберг И. И. Анри Бергсон. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 450.

но не собственной личности и вещей самих по себе. Взгляд Бергсона полностью противоположен. «Формы, применяемые к вещам, – пишет он, – не могут быть всецело нашим творением... они проистекают из компромисса между материей и духом; если мы вносим в материю очень много из нашего духа, то, в свою очередь, кое-что от нее и получаем, а потому, пытаясь вернуться к самим себе после экскурсии по внешнему миру, чувствуем себя связанными по рукам и ногам»¹⁴⁶. Как считает философ, мы не воспринимаем вещи сквозь сетку априорных форм, но сами формы познания несут на себе отпечаток взаимодействия с реальностью, определенным образом отражают внешний мир и затемняют наше понимание самих себя¹⁴⁷. Так время трансформируется у Бергсона из априорной формы чувственности в непосредственный факт сознания, содержание внутреннего чувства. Впоследствии в феноменологической психиатрии и экзистенциальном анализе структуру психического заболевания, и, соответственно, структуру человеческого существования не только в патологии, но и в норме, будут составлять именно пространство и время. Рассматривая эти априорные формы чувственности, А. Бергсон больше симпатий отдает именно времени, подчеркивая возможность его качественного характера и вменяя пространству лишь геометрический и количественный параметры. Впоследствии, уже в феноменологической психиатрии пробел с теорией проживаемого пространства будет восстановлен Минковски и Штраусом.

Говоря о времени, Бергсон вводит центральное для своей философии понятие *длительности*. «Длительность» при этом не есть однородная пустая среда, множественность рядоположений, она имеет совершенно иной характер. «Чистая длительность, – пишет он, – есть форма, которую принимает последовательность наших состояний сознания, *когда наше „я“ просто живет*, когда оно не устанавливает различия между наличными состояниями и теми, что им предшествовали» (курсив наш – О. В.)¹⁴⁸. Необходимо отметить, что «длительность» основана на взаимопроникновении элементов сознания, а это предполагает наличие связи между настоящим, прошлым и будущим, возникающей посредством памяти. Примечательно, что этот признак «длительности», когда «я» просто живет в ней, который Минковски назовет одним из основных в своей структурной феноменологии, усиливает его и делает обязательным элементом понятийной сетки: так появятся «проживаемая длительность», «проживаемое время», «проживаемое пространство».

Бергсон исходит из идеи первоначального порыва жизни или жизненного порыва, образующего основу функционирования живых организмов. Жизненный порыв – это безличная, изначально целостная подвижность, которая устанавливает равновесие жизни, предопределяя ее порядок. Так же, как невидимая рука, проходя через железные опилки, оставляет свой отпечаток, жизненный порыв управляет стихией жизни и, что весьма важно, определяет ее структуру¹⁴⁹. С помощью жизненного порыва человек сливается с окружающей реальностью, становясь частью единой длящейся целостности.

Если Бергсон настаивал на обращении к конкретным фактам непосредственного опыта сознания и предварительном очищении этого опыта, то феноменологические психиатры и экзистенциальные аналитики отнесут к конкретным фактам существования клинические случаи психической патологии, место факта сознания займет у них, одновременно, клинический и экзистенциальный факт.

Как мы помним, основной целью работ раннего Бергсона было обращение к непосредственным данным сознания. Они понимались не как самоочевидные и расположенные на поверхности сознания, но как скрытые под завесой интеллекта, языка и культуры. Проникнуть

¹⁴⁶ Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания / Пер. с франц. Б. С. Бычковского // Собр. соч. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992. С. 50.

¹⁴⁷ См.: Блауберг И. И. Анри Бергсон... С. 84.

¹⁴⁸ Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания... С. 93.

¹⁴⁹ См.: Бергсон А. Творческая эволюция / Пер. с франц. В. Флеровой. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. С. 111–118.

в них, исходя из воззрений Бергсона периода «Опыта о непосредственных данных сознания», можно путем интроспекции, «внутренней рефлексии». Впоследствии он будет развивать эти предположения и в «Материи и памяти», а затем во «Введении в метафизику» придет к идее *интуиции*. Интуиция описывается им как интуиция живого единства и целостности, посредством нее личность может освободиться от всего поверхностного и приобретенного, от утилитарных привычек мысли. «Чистая интуиция, внешняя или внутренняя, – пишет он, – постигает нераздельную непрерывность. Мы дробим ее на рядоположенные элементы, которые соответствуют то отдельным словам, то независимым предметам»¹⁵⁰.

В такой трактовке мыслитель противопоставляет интуицию анализу. Анализ как основной метод науки, по его мнению, разлагает реальность на устойчивые, дискретные и неизменные элементы, связанные с понятиями-символами, которые не дают никакой достоверной информации о раздробленной целостности, поскольку являются не фрагментами самой вещи, а лишь частями символа. Продолжив эту мысль, примером такого анализа в психиатрии можно назвать симптоматический и синдромальный анализ, который раскладывает символ «шизофрении» на элементарные синдромы, а те, в свою очередь, – на симптомы, упуская реальную сущность заболевания.

В противоположность позиции анализа, Бергсон предлагает встать на позицию *истинного эмпиризма*, методом которого и является интуиция. Что же в этом случае он понимает под интуицией? «Интуицией, – пишет он, – называется род *интеллектуальной симпатии*, путем которой переносятся внутрь предмета, чтобы слиться с тем, что есть в нем единственного и, следовательно, невыразимого»¹⁵¹. В процессе такого своеобразного проникновения и непосредственного контакта актуализируется не неизменное, постоянное и прочное, как в случае анализа, а непрерывная последовательность состояний, т. е. живая длительность, свободная от разделения на субъект и объект. На основании интуиции, как считает Бергсон, необходимо выработать гибкие понятия, которые усваивали бы «само движение внутренней жизни вещей» и следовали за реальностью «во всех ее изгибах»¹⁵².

Способность интуиции проникать не только в собственное сознание, но и в сознание других, названная Бергсоном психологическим эндосмосом, станет основанием интуиции как метода постижения патологической реальности психически больного человека. Любопытно, что в работе «Воспоминание настоящего и ложное узнавание» и в более поздних лекциях в Эдинбургском университете он и сам предпринял попытки интуитивного истолкования некоторых психологических феноменов, в частности, феномена ложного узнавания. Здесь он говорит о сохраняющих целостность памяти (отвечающей за целостность неосознаваемого прошлого) и воле (стремящейся к будущему), которые требуют от человека постоянного напряжения. В силу того, что некоторые люди не в состоянии выдержать подобное напряжение, могут возникать различные болезни личности. Среди них Бергсон выделяет две группы: связанные с памятью и связанные с волей. К первой группе относятся болезни раздвоения или умножения личности, при которых одна и та же личность может рассматривать лишь одну часть своего неосознаваемого прошлого и таким образом являться для самой себя отличной личностью. Вторая группа болезней связана с устремленностью в будущее, с внутренним порывом, который, по мнению Бергсона, может ослабевать или даже угасать вовсе. К таковым болезням относятся, на его взгляд, те, которые П. Жане описал как психастению, характеризующую неспособностью или отвращением к любому возможному действию. Одним из феноменов психастении и является ложное узнавание, связанное с замедлением «нормального порыва».¹⁵³ Это приво-

¹⁵⁰ Бергсон А. Материя и память // Собр. соч. Т. 1... С. 275.

¹⁵¹ Бергсон А. Введение в метафизику / Пер. с франц. В. А. Флеровой // Бергсон А. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. М., 1914. С. 6.

¹⁵² Там же. С. 36.

¹⁵³ Излагается по: Блауберг И. И. Анри Бергсон... С. 438–439.

дит к тому, что факты восприятия и воспоминания перестают согласовываться между собой, воспоминания проникают в сознание, результатом чего, по его убеждению, и становится впечатление ложного узнавания. Настоящее на мгновение как бы отрывается от будущего и застывает, в этот момент его настигает воспоминание, и следствием этого становится то, что «настоящее в одно и то же время и познается и узнается»¹⁵⁴.

Здесь проступает динамическое, движущее начало личности – внутренний порыв сознания. «Таким образом, – пишет И. И. Блауберг, – произошло любопытное явление: если когда-то понятие жизненного порыва появилось в концепции Бергсона по аналогии с представлением о динамизме сознания, о различных степенях его напряжения, то теперь он, возвращаясь к исследованию психологических проблем, опирается уже на понятие *порыва воли, внутреннего порыва или порыва сознания...*»¹⁵⁵. Этот внутренний порыв превратится в феноменологической психиатрии Минковски в личный порыв и станет одним из центральных понятий его теории патологических трансформаций. Любопытно также и то, что Бергсон практически уже обозначает то, что в работах Минковски станет центральным механизмом патологических нарушений в психическом заболевании, – угасание внутреннего порыва. Психиатрам оставалось развить эту идею и распространить ее на различные психопатологические феномены.

Нужно обратить внимание на одно очень важное обстоятельство. Французский, который будет развивать Э. Минковски, и швейцарский варианты феноменологической психиатрии окажутся очень похожими несмотря на то, что в первом случае преобладающим философским влиянием является интуитивизм Бергсона, а во втором – феноменология Гуссерля. Наличие сходных элементов в самих философских основаниях их теоретических построений и сблизило эти варианты. Как отмечал Р. Ингарден, написавший под руководством Гуссерля диссертацию по теме «Интуиция и интеллект у А. Бергсона», когда он в 1917 г. познакомил Гуссерля с концепцией длительности Бергсона, тот воскликнул: «Тут все почти так, будто Бергсон – это я!»¹⁵⁶. И Бергсон, и Гуссерль стремятся выделить общие для разных сознаний структуры, но для Бергсона сознание представляется как уникальное и единичное для каждого конкретного индивида. Сходство в заимствованных теориях будет дополнено также и сходными механизмами их трансформации в клинике. Поэтому бергсонизм в психиатрии будет очень тесно переплетен с гуссерлианством.

§ 3. Феноменология Эдмунда Гуссерля

Гуссерль своей задачей видел создание универсального метода научного знания, метода, который будет свободен от недостатков и сможет привести «к самим вещам». Психиатрия начала XX в., с ее бесчисленными классификациями, теориями и гипотезами, оказалась чрезвычайно восприимчивой к этому направлению, так как оно могло дать ей не только новые критерии исследования и толкования психической патологии, но и возможность осмысления себя как науки, что тогда для нее было немаловажным. «Феноменологи, – отмечают Л. Сасс и Дж. Парнас, – всегда интересовались исследованием и артикуляцией общих форм или структур жизненного опыта. Анормальные или патологические состояния, очевидно, для них особенно интересны: понимание таких состояний требует не только сравнения их с отличными от них нормальными моделями переживания и существования, само это отклонение помогает пролить свет на элементарные конфигурации нормальных моделей существования»¹⁵⁷.

¹⁵⁴ Бергсон А. Воспоминание настоящего / Пер. с франц. В. А. Флеровой // Бергсон А. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4... С. 118.

¹⁵⁵ Блауберг И. И. Анри Бергсон... С. 439.

¹⁵⁶ Цит. по: Блауберг И. И. Анри Бергсон... С. 110.

¹⁵⁷ Sass L., Parnas J. Mind, Self and Psychopathology Reflections on Philosophy, Theory and the Study of Mental Illness // Theory and Psychology. 2000. Vol. 10. № 1. P. 88.

При исследовании влияния феноменологии на формирование главным образом феноменологической психиатрии, а затем и экзистенциального анализа необходимо не только выделить заимствованные аспекты теории Гуссерля, но и охарактеризовать те трансформации, которые они претерпели при соприкосновении с областью психиатрии. «Важнее, – пишет Шпигельберг, – уделить внимание трансформациям, искажениям и упрощениям, которые имели место в этом пространстве. <...> В утешение можно привести слова Этьена Жильсона о том, что история философии – это, главным образом, последствия продуктивных ошибок»¹⁵⁸. В настоящей работе мы поэтому не ставим цели подробно воссоздать теоретическую систему феноменологии, поскольку эти сведения при желании можно почерпнуть в соответствующей исследовательской литературе¹⁵⁹, мы коснемся лишь тех ее положений, которые значимы в контексте нашего исследования.

При определении степени и характера влияния философской феноменологии на феноменологическую психиатрию и экзистенциальный анализ можно предположить несколько его возможных вариантов. При каждом из них основной частью заимствования может являться: феноменологический метод и феноменологическая установка, описательный метод и сама идея описания в клинике, феноменологическая философия, феноменологическая концепция функционирования нормального человека.

На вопрос о том, какие из этих вариантов окажутся значимыми в отношении феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа, мы попытаемся ответить после того, как разберем конкретные заимствованные элементы.

При экстраполяции феноменологии в пространство клиники возникают неизбежные противоречия. Дело в том, что сам основатель феноменологии никогда не давал развернутого анализа психической патологии и указаний относительно возможностей и пределов применения своего метода в психиатрической клинике. Поэтому утверждения о прямом ученичестве здесь оказываются не вполне правомерны. «Кто гарантирует, что психиатр, являющийся учеником Гуссерля в философии, останется его учеником как врач?»¹⁶⁰ – совершенно справедливо замечает Ж. Лантери-Лора. По обозначенным причинам, возможно, в случае экзистенциально-феноменологической психиатрии правомернее бы было говорить о «вдохновенности» феноменологией, чем о прямом заимствовании.

Кроме того, нельзя не учитывать тот факт, что множество работ Гуссерля, которые в настоящее время известны исследователям, при его жизни изданы не были. Во избежание установления неправомερных коннотаций важно также помнить и даты их выхода: «Логические исследования» появились в 1900–1901 гг., «Философия как строгая наука» – в 1911 г., «Идеи» – в 1913 г., «Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени» – в 1928 г., «Формальная и трансцендентальная логика» – в 1929 г., «Картезианские размышления» – в 1931 г., «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» – в 1936 г. Г. Е. Берриоз выделяет в феноменологии Гуссерля три периода: 1) психологические исследования («Философия арифметики»), 2) развитие феноменологических идей («Логические исследова-

¹⁵⁸ Spiegelberg H. Phenomenology in Psychology and Psychiatry... P. 356–357.

¹⁵⁹ О феноменологии Гуссерля см.: Мотрошилова Н. В. Принципы и противоречия феноменологической философии. М.: Высшая школа, 1968; Мотрошилова Н. В. «Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М.: Феноменология-Герменевтика, 2003; Молчанов В. И. Исследования по феноменологии сознания. М.: Территория будущего, 2007; Слинин Я. А. Трансцендентальный субъект: Феноменологическое исследование. СПб.: Наука, 2001; Разеев Д. Н. В сетях феноменологии // Разеев Д. Н. В сетях феноменологии. Основные проблемы феноменологии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 15–222; Прехтль П. Введение в феноменологию Гуссерля. Омск: Водолей, 1999; Свасьян К. А. Феноменологическое познание: пропедевтика и критика. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1987 и др.

¹⁶⁰ Lanteri-Laura G. La Psychiatrie Phénoménologique... P. 6. Дж. Белзен также не может сказать по этому вопросу ничего определенного: «Какое влияние так называемое феноменологическое движение имело на реальную повседневную практику психиатрического ухода и лечения и какова степень этого влияния? Ответы на эти вопросы не составляют единства, а различные авторы и критики выдвигают на первый план совершенно различные аспекты» (Belzen J. A. The Impact of Phenomenology on Clinical Psychiatry: Rümke's Position between Jaspers and Kraepelin // History of Psychiatry. 1995. № 6. P. 349).

ния», «Идеи», «Формальная и трансцендентальная логика»), 3) период «Кризиса европейских наук...». При этом он отмечает, что к психопатологии могли иметь отношение только первые два периода творчества философа, а третий можно связать лишь с некоторыми аспектами психоанализа¹⁶¹.

Соответственно, при анализе положений философии Гуссерля, которые могли оказать влияние на развитие феноменологической психиатрии, во избежание грубейших ошибок необходимо ограничиться лишь теми из них, что были высказаны в изданных в соответствующее время работах и в тех курсах лекций, которые могли посещать феноменологические психиатры и экзистенциальные аналитики. На основании дошедших свидетельств, указаний самих феноменологических психиатров и экзистенциальных аналитиков, исследований их критиков, а также путем временных сопоставлений, можно выделить следующие работы, сформировавшие комплекс феноменологических влияний: 1) монографии и статьи: «Логические исследования», «Философия как строгая наука», «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая», «Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени»; 2) курсы лекций: «Идея феноменологии» (1907), «Основные проблемы феноменологии» (1910 / 1911).

В целостном комплексе влияний, которые эти работы и лекции оказали на формирование теоретических оснований феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа, с целью более четкого понимания, на наш взгляд, необходимо выделить такие теоретические блоки:

1. Идея феноменологического метода и феноменологии как новой стратегии исследования. Противопоставление дескриптивной и трансцендентальной феноменологии.
2. Процедура феноменологической редукции. Положение об онтологической нейтральности феноменологических феноменов.
3. Идея априоризма в исследованиях сознания.
4. Феноменологическая концепция времени.

Первые два положения обусловили методологическую специфику феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа, два другие – своеобразие их содержания и проблематики. Остановимся на них подробнее.

Феноменология стала тем ключом, который приоткрыл дверь в глубины психической патологии. И это не случайно. «... Феноменология, – отмечает В. И. Молчанов, – открывает возможности рефлексивно-дескриптивной философии, то есть возможности рефлексивного исследования бесконечно многообразных видов человеческого опыта»¹⁶². Разумеется, это многообразие нигде не проявляется так явно, как в психиатрии.

Феноменология Гуссерля давала психиатрии новый метод, использование которого должно было привести не только к смене ориентации, но и к расширению предметного поля. Но феноменологическая стратегия исследования не соответствовала направленности позитивистской психиатрии как естественнонаучной дисциплине. В «Логических исследованиях» Гуссерль писал: «в феноменологическом анализе требуется противоположная естественной [widernatürlich] направленность созерцания и мышления. Вместо того чтобы растворяться в выстроенных различным образом друг на друге актах и при этом предметы, смысл которых имеется в виду, так сказать, наивно полагать как существующие, определять их или выдвигать

¹⁶¹ Berrios G. E. Phenomenology, Psychopathology and Jaspers: A Conceptual History... P. 307–308.

¹⁶² Молчанов В. И. Предисловие // Гуссерль Э. Собр. соч. Т. I. Феноменология внутреннего сознания времени. Пер. с нем. М.: Логос, Гнозис, 1994. С. VI–VII.

относительно них гипотезы, выводить следствия и т. д., мы должны, напротив, „рефлектировать“, т. е. сделать предметами сами акты в имманентном смысловом содержании»¹⁶³.

Как мы неоднократно отмечали, психиатрия рубежа веков переживала острейший кризис. Она стремилась переосмыслить собственные основания и наметить новые ориентиры движения вперед. В этих условиях призывы Гуссерля к переходу от естественного к философскому мышлению оказались кстати. В них психиатры увидели критику естественных наук и ограниченности их подхода, утверждение необходимости расширения и пересмотра их методов.

«Естественное познание начинается с опыта и остается в опыте»¹⁶⁴ – такими словами открывается первая книга «Идей». Область естественного познания, по Гуссерлю, – «мир», реальное бытие. И мир при этом – «полная совокупность предметов возможного опыта и опытного познания, предметов, познаваемых на основании актуального опыта при правильном теоретическом мышлении»¹⁶⁵. В этом случае, психопатология как наука о живых существах с их психофизической природой (а именно так философ характеризует психологию) – это естественная наука о мире.

Логические приемы, обеспечивающие единство естественных наук, по мнению Гуссерля, имеют единообразный характер и противостоят методическим приемам философии как нового единства. «Естественному мышлению в жизни и науке, – говорил он в лекциях 1907 г. – нет дела до трудностей, связанных с возможностью познания; философское же мышление определяется тем, какую позицию оно занимает по отношению к проблемам возможного познания»¹⁶⁶. Какое же мышление в трактовке Гуссерля может лежать в основании философской психиатрии? Обратимся к его собственным положениям.

Естественному мышлению, на его взгляд, свойственно безразличие к критике познания. В этом случае исследователь обращен на вещи, данные хотя и различным бытийным способом в зависимости от источника и ступени познания, как нечто само собой разумеющееся. Таким же само собой разумеющимся для естественной установки мышления является и возможность познания. Философское же мышление всегда учитывает, что познание есть лишь переживание: «Откуда знаю я, познающий, и как могу я достоверным образом знать о существовании не только моих переживаний, этих актов познания, но также и о существовании того, что ими познается, что вообще существует нечто, что в качестве объекта познания могло бы быть поставлено напротив?»¹⁶⁷. Поэтому, заключает Гуссерль, естественные науки о бытии не являются таковыми на самом деле, и нам требуется «наука о сущем в абсолютном смысле». Она основывается на критике научных дисциплин, естественного познания в различных науках, и задается целью прояснить «существо познания» и «предметность познания». Это и есть феноменология.

Критика естествознания и общая ситуация противопоставления естественных и гуманитарных наук, характерная для конца XIX – начала XX в., и привлекли внимание психиатров к феноменологии. К тому же, одной из начальных точек развития философской психиатрии в лице феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа как раз явилось осмысление оснований психиатрии, сам факт сомнения и критики, недопустимый для естественно-научной дисциплины.

¹⁶³ Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II (1) // Собрание сочинений. Т. 3 (1) / Пер. с нем. В. И. Молчанова. М.: Гнозис, Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 20–21.

¹⁶⁴ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Академический проект, 2009. С. 29.

¹⁶⁵ Там же. С. 30.

¹⁶⁶ Гуссерль Э. Идея феноменологии: пять лекций / Пер. с нем. Н. А. Артеменко. СПб.: Гуманитарная академия, 2006. С. 41–42.

¹⁶⁷ Там же. С. 78.

В свете обозначенной критики большое значение для философской психиатрии имело положение о допустимости перехода между естествознанием и философией в лице феноменологии. Естественные науки, по Гуссерлю, – это науки о фактах, в отличие от феноменологии как науки о сущностях¹⁶⁸. Но при этом опытное постижение может быть преобразовано в сущностное усмотрение – это возможность, которую он с готовностью допускает. Эта возможность и запустила развитие сначала феноменологической психиатрии, а затем экзистенциального анализа, поэтому в свете описываемого нами процесса она чрезвычайно важна.

Призыв философа обратиться «к самим вещам» был истолкован представителями феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа достаточно своеобразно. «Самими вещами» стали для них не только идеальные сущности патологических феноменов, трансцендентальная область пространственно-временной ткани патологии, но и «сами» патологические феномены, сама реальность патологии в ее конкретных проявлениях, в переживаниях конкретного индивида, в вариациях клинических случаев. Против такого эмпирического истолкования своего призыва, как мы помним, предостерегал и сам родоначальник феноменологии. «Принципиальная ошибка эмпирической аргументации, – писал он – заключается в следующем: основное требование возврата „к самим вещам“ отождествляется или смешивается с требованием основывать познание на *опыте*»¹⁶⁹. Такое своеобразное толкование, как мы выясним далее, было характерно не только для его последователей-психиатров.

Первую крупную работу Гуссерля – «Логические исследования» – психиатры сразу же приняли, особенно значимым стало первое издание второго тома. Феноменологическая психиатрия, а затем и экзистенциальный анализ по времени своего формирования должны были бы «вырасти» из «Идей I». Тем не менее один из центральных моментов феноменологической психиатрии – трактовку феноменологии как дескриптивной психологии – можно найти именно в «Логических исследованиях»¹⁷⁰

¹⁶⁸ Этот «факт» как отправную точку исследования мы еще встретим в экзистенциальном анализе Л. Бинсвангера.

¹⁶⁹ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии... С. 68.

¹⁷⁰ «Феноменология – это дескриптивная психология», – указывает Гуссерль в первом издании (Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II (1)... С. 29).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.